

Будущее в подарок

Глава 1.

— Где я? — спросил Питер.
— В больнице, — ответил один из тех, кто стоял рядом. Он, как и другие, был в белом халате, в белой шапочке. Но чувствовалось, что он здесь главный.
— Что случилось?
— На вас было совершено покушение. Не помните?

Да, он помнил. Он шел по старой Риге в направлении гостиницы, в которой остановился. Было за полночь. Он засиделся в конторе. Удалось раскопать интересные сведения. И вдруг рядом с ним остановилась машина. Он увидел вспышки в открытом окне передней дверцы.

— Помню, — проговорил Питер.
— Как вы себя чувствуете?
— Нормально.

Питер осмотрелся. Помещение было каким-то странным, незнакомым — громадные прямоугольные окна от самого пола, высокие потолки, стены из блестящего металла. То, что окружало его, не походило на больницу. Что это за место?

— Где я нахожусь?

— В больнице.

Он еще раз окинул подступающее к нему пространство.

— Какой сейчас год?

— Две тысячи пятьдесят пятый. — Карие глаза говорившего смотрели серьезно, уверенно.

Две тысячи пятьдесят пятый?! Вот почему такое странное нутро у этой больницы.

— Но как... — начал он и замолк.

— Вы были в коме пятьдесят лет. Благодаря последним достижениям науки удалось вернуть вас к жизни.

Пятьдесят лет. Полвека! Неужели так много? Питер почему-то верил — его не обманывают. Он грустно усмехнулся.

— Удивляюсь одному — как решились поддерживать мое существование целых полвека?

— Вы — сотрудник Интерпола. Пострадали при выполнении задания. Прежде за вас платили соответствующие межгосударственные структуры. А последние двадцать лет — ВБР.

— Что это — ВБР?

— Всемирное бюро расследований. Оно возникло на базе Интерпола.

Питер помолчал, осмысливая услышанное, и вдруг озабоченность вылетела на его лицо.

— У меня была жена, — прозвучало глухо. — И дочь.

— Мы уже выяснили. Ваша жена умерла в две тысячи двадцать первом году. Сожалею. Что касается дочери, мы не смогли проследить ее судьбу. Ей было двадцать три, когда умерла ваша жена. Знаем только, что она училась в Сорбонне, и более ничего.

Эти слова придавили его. Никого из дорогих ему людей не осталось?

— Отчего умерла моя жена?

Тот, кто говорил с ним, опустил на секунду глаза, потом вновь глянул на него.

— Затрудняюсь сказать, — несколько сконфуженно проговорил он.

— Вы не знаете? — усомнился Питер.

— Нет.

Похоже, он и вправду не знал.

— А мои родители, конечно, умерли?

— Да, ваши родители умерли вскоре после покушения на вас. Они были пожилыми людьми.

И вправду, родители были пожилыми людьми. Но Мария... Что случилось с ней? Питер глянул на говорившего с ним.

— Простите, кто вы?

— Я — член правительства. Министр информации. Отвечаю за информационное обеспечение граждан. Меня зовут Курт Зайдель.

Питер зачем-то еще раз посмотрел по сторонам.

— Я в Германии?

— Нет. Во Франции. В Париже. — Министр смотрел на Питера весьма доброжелательно.

— Но... почему мы говорим по-русски?

— Вы по-русски спросили: «Где я?» и тем задали язык разговора. — Мягкая улыбка не сходила с его лица. — Вас должны снять для телевидения. То, что удалось вывести вас из комы, очень важно. Жители Земли должны узнать, что герой, жертвовавший своей жизнью ради всеобщего блага, вернулся к жизни и чувствует себя хорошо.

Питер попытался приподняться на кровати.

— Я встану.

— Нет-нет, не надо.

— Я чувствую себя хорошо, — попытался он убедить министра.

— Не надо. Лучше, чтобы вы лежали. В крайнем случае, полулежали. Пусть кровать изменит положение. Скажите ей то, что хотите от нее. Она слушается лежащего на ней.

Питер посмотрел вниз, на кровать — неужто с ней можно разговаривать?

— Хочу полулежать, — выговорил он.

В тот же миг верхняя часть кровати плавно приподнялась. Теперь ему

удобнее было смотреть на стоявших перед ним людей.

— Не забывайте улыбаться, — продолжил министр. — Это служит подтверждением тому, что вы на самом деле чувствуете себя хорошо. Между прочим, благодаря телевидению существует реальная возможность отыскать вашу дочь. Если она жива, — а я надеюсь, что это так, — она увидит вас.

— А вдруг ее не будет около телевизора в этот момент?

Министр вкрадчиво улыбнулся.

— Жители Земли обязаны смотреть телевизор всегда, пока они бодрствуют. Это относится и к Лунной колонии.

— Там есть колония? — с удивлением спросил Питер.

— Да. Уже двадцать восемь лет. — Министр повернулся к стоящим рядом людям, проговорил, теперь уже по-английски. — Пригласите прессу.

Несколькими секундами позже двери открылись, в просторную палату стремительно вторглось человек двадцать — мужчин и женщин, одетых весьма пестро. Часть из них держала в руках небольшие приспособления. Питер понял — операторы.

Вся группа остановилась перед кроватью. А министр оказался рядом с Питером.

— Господа! — Министр поднял руку, требуя тишины. — Рад представить вам героя, пришедшего в себя после пятидесяти лет пребывания на грани смерти. Питер Морефф, господа, человек, рискующий своей жизнью ради всеобщего блага. Вы можете задать господину Мореффу вопросы.

Молодая женщина, красивая брюнетка с вытянутым холемым лицом, обратилась к нему:

— Как вы себя чувствуете, господин Морефф? — Голос у нее был низкий, хорошо поставленный, выговор явно оксфордский.

— Прекрасно.

— Вы помните, как на вас покушались?

— Да.

— Пожалуйста, расскажите нашим зрителям.

— Я шел в направлении гостиницы, в которой тогда остановился. Было за полночь — я задержался отделения Интерпола. Улица была пустынной. И вдруг рядом остановилась машина. Черная, кажется, «БМВ». Я увидел вспышки в открытом окне передней дверцы.

— Где это произошло

— В Риге, столице Латвии. Мы ловили там транснациональную банду преступников, которые обеспечивали доставку наркотиков из России в Западную Европу, торговали оружием.

Молодой, бойкий парень поднял руку, стараясь привлечь внимание.

— Господин Морефф, а тех, чью деятельность вы расследовали, поймали?

— Я этого не знаю.

Тут свое слово сказал министр.

— Их поймали, — уверенно заявил он. — Можете быть спокойны.

Еще одна женщина, постарше той, первой, подняла руку.

— Господин Морефф, скажите, пока вы находились в коме, вы как-то реагировали на проявления внешнего мира? У вас были какие-то видения?

— Нет.

— Какие у вас планы на будущее?

— Хотел бы продолжить работу по специальности.

Вежливые улыбки приклеились к лицам. Питер понял, что сказал опрометчивые слова — куда ему до работы в спецслужбах после пятидесяти лет пребывания в коме. Пока он лихорадочно думал, что еще сказать, министр пришел ему на помощь.

— Господа, спасибо за внимание. У вас еще будет возможность встретиться с господином Мореффом.

Та ведущая, которая первой задавала вопросы, вежливо проговорила:

— Господин Морефф, от всех жителей Земли желаем вам поскорее выздороветь.

— Спасибо, — сказал Питер.

Представители прессы покинули палату столь же оперативно, как и появились в ней. Питер посмотрел на министра.

— Господин Зайдель, вы сказали, что тех, кого я преследовал, поймали.

— Да.

— Вам удалось это выяснить?

— Я не имел возможности это выяснить. Но так должно быть. Зло не может остаться безнаказанным.

Питер промолчал, хотя ему не понравилось то, что он услышал. Зло необходимо наказывать. Только зачем врать?

Невысокий круглолицый мужчина в белом халате подошел к Питеру. Он держал какое-то небольшое устройство, напоминающее пистолет.

— Господин Морефф, вам надо имплантировать чип. — У него был приятный бархатистый голос. — Это необходимо для вашей безопасности. Сейчас такой чип имплантируется каждому из жителей Земли в младенческом возрасте. Это не больно.

— Зачем нужен чип?

— С его помощью можно легко найти любого, кто нуждается в экстренной медицинской или иной помощи.

Он дотронулся устройством до правого плеча Питера. Процедура и в самом деле не вызвала боли — небольшой укол, и все.

— Теперь вы — полноправный член общества. — С патетикой проговорил министр, перейдя на немецкий. — Добро пожаловать в наш мир. Он более комфортный для жизни, чем тот мир, который вы помните. — Министр сделал паузу, добрая улыбка украсила его энергичное лицо. — Чтобы вы быстрее привыкли к нынешней жизни, с вами некоторое время побудет доктор Андерсон. Она психотерапевт.

Его рука показывала на женщину, стоявшую рядом с ним. Она сдержанно кивнула Питеру.

— Здравствуйте, господин Морефф, — по-русски произнесла она.

— Здравствуйте, госпожа Андерсон. Вы знаете русский язык?

— Не слишком хорошо... Вы можете обращаться ко мне по имени — Линда.

— Спасибо. Я заранее благодарен вам за то, что вы готовы помочь мне

адаптироваться к нынешней жизни. Подозреваю, что за пятьдесят лет мир сильно изменился.

— Вы правы.

Эта Андерсон была весьма симпатичной дамой лет под сорок — стройная, с вытянутым худощавым лицом и умными голубыми глазами. Скандинавское происхождение чувствовалось в ней.

— Ну, я вас покидаю, — нетерпеливо проговорил министр. — Но мы будем следить за вашими успехами. Будем информировать о них землян и жителей Лунной колонии. Всего доброго.

Вежливо кивнув, он удалился быстрыми шагами, увлекая за собой остальных людей. В просторной палате остались только госпожа Андерсон, доктор, делавший имплантацию чипа, и еще один мужчина в белом халате, молодой, смуглолицый.

— Как вы себя чувствуете? — спросил доктор.

— Хорошо. — Питер широко улыбнулся и предпринял попытку сесть на кровати. Это удалось ему после немалых усилий.

Ему хотелось двигаться. Опустив ноги на пол, он попробовал встать. И упал. Ноги совсем не держали его. Это было странно, обидно.

Доктор и тот второй, смуглый подняли его, вернули на кровать.

— Не удивляйтесь, — голос доктора наполняла снисходительность. — Пятьдесят лет без движения не могли кончиться другим. Мы поработаем над вашими мышцами. Прежде всего — вы. Но мы вам поможем. Современная медицина может многое.

Слова доктора звучали так многообещающе. Но некоторое сомнение возникло у Питера.

— Такое лечение, наверно, стоит недешево, — проговорил он.

— Вам не стоит беспокоиться на этот счет. — Доктор добродушно усмехнулся. — За вас платит Министерство информации.

— Зачем они это делают?

— Вы — хорошая новость. Торжество справедливости. Давайте приступим к восстановлению двигательных функций мышц.

— Давайте. Но, быть может, сначала познакомимся? Вы меня лечите, а я не знаю, как вас зовут.

— Да, конечно. Давид Кацав. Мой ассистент — доктор Мохамед Ашруни.

Ассистент, разворачивавший какой-то прибор, повернул голову и кивнул, как бы подтверждая — он и в самом деле Мохамед Ашруни.

Пижама была снята. Питер смущенно покосился на Линду — та отошла на несколько шагов и целомудренно смотрела в сторону.

Облегающие накладки были надеты на его ноги выше и ниже колена, то же самое произошло с руками. Он почувствовал приятное покалывание.

— Все нормально? — поинтересовался доктор Кацав.

— Да, — ответил он.

— Я повышу интенсивность.

Теперь его мучила щекотка в мышцах. Он терпел, хотя это было не просто. Лежал, стиснув зубы. «Надо же, испытание щекоткой, — говорил он себе. — Кто бы мог подумать... Две тысячи пятьдесят пятый год. Может быть, меня разыгрывают? Зачем? Просто, чтобы разыграть? Наверяд ли... Я попал в две тысячи пятьдесят пятый год. Фантастика. Жаль, что Мария умерла. А Виктория? Мне так хотелось бы увидеть ее. Но кого я увижу? Я помню ее семилетней. А ей сейчас пятьдесят семь. Господи, моей дочери уже пятьдесят семь... Как я хочу увидеть ее...»

Не мог он представить дочь молодой женщиной. Хотелось верить, что она осталась той, какой была полвека назад — веселой, бойкой девчушкой с короткой стрижкой. В пять лет она почему-то боялась качелей, и ему пришлось немало помучиться, чтобы приучить ее к этому развлечению. Зато в семь она качалась так лихо, что Питер боялся за нее.

Испытание щекоткой наконец закончилось. Доктор Кацав подошел к нему с небольшим устройством, приложил к предплечью. Питер ощутил слабый укол.

— Мы даем вам стимуляторы мышечной активности, — деловито по-

яснил доктор. — Все, можете отдохнуть. Вы хотите есть?

Питер, не думавший до того о еде, почувствовал голод.

— Да, — сказал он.

— Я попрошу, чтобы вам принесли еду. Пока что вам следует принимать жидкую пищу. Ваш желудок напрочь позабыл про твердую. Но мы снимем эту проблему. Мы вас покидаем на время.

Кацав и Ашруни удалились, а Линда поднесла к кровати странный прозрачный стул и села на него.

— Вы не устали? — спросила она.

Питер снисходительно усмехнулся.

— Нет.

— Вы должны учитывать, что сейчас ваше физическое состояние совсем не то, каким оно было накануне покушения, — тактично проговорила Линда. — Через некоторое время оно восстановится. Но пока что вам следует соблюдать осторожность.

— Спасибо за предупреждение. Вы правы. Я об этом не подумал. Но я на самом деле не устал. И готов потренировать свои мышцы.

— В этом нет необходимости. Процедуры весьма эффективны. А в промежутках лучше дать мышцам покой. Если вы не против, я хотела бы...

В этот момент двери плавно раскрылись, в палату въехал сервировочный столик, а следом за ним — странное белое создание с большими черными глазами ростом с человека. Питер догадался — робот.

Столик подъехал к самой кровати. Несколько плошек стояло на его поверхности.

— Ваш обед. — У робота был бархатный женский голос, говоривший по-английски. — Вы сами сможете поесть, или вам помочь?

— Попробую сам. — Питер встал, занимая полусидячее положение.

— Пожалуйста.

Он получил матерчатую салфетку, в затем — одну из плошек и ложку. Что-то напоминавшее суп-пюре было весьма приятно на вкус. Питер съел все до последней капли. После этого к

нему в руки попала плошка с овсяной кашей, жидкой, но вкусной, на молоке. Завершал обед апельсиновый сок, свежевывжатый, ароматный.

— Я прошу вас вернуть салфетку.

— Робот протянул к нему руку с белыми пальцами. — Надеюсь, вас устроил обед?

— Устроил. — Питер кивнул с улыбкой. Странно было говорить с таким существом.

— Я прощаюсь с вами до вечера. Если только вы не позовете меня раньше.

Робот уехал, забрав с собой сервировочный столик. Проводив его насмешливым взглядом, Питер глянул на симпатичного психотерапевта.

— Вы что-то хотели спросить?

— Да. Мне важно побольше узнать о вас. Моя задача — сделать процесс адаптации максимально коротким. Вы англичанин?

— Я — британский подданный. Но мои родители были русскими. Я назван в честь русского деда. Питер по-русски звучит как Пётр.

— Вы хорошо знаете русский язык?

— Можно так сказать. — Помолчав, улыбнулся. — Достоевского читал в оригинале.

— Достоевского?.. — Она пожалала плечами. — Это писатель?

— Да. Весьма известный за пределами России.

— Я такого не знаю.

Питер удивился, — Достоевский вышел из моды? — но не стал ничего более спрашивать. Он боялся проявить нетактичность. В конце концов, не каждый любит серьезную литературу.

— А книги остались? — спросил он.

— Да.

— Я имею в виду обычные книги, из бумаги.

— Остались. Есть любители читать по-старому. Но такие книги очень дорого стоят. Гораздо дешевле купить электронную книгу. При этом нет необходимости самому читать ее. Можно включить озвучивание, медленное или быстрое. Но даже такие книги ме-

нее популярны по сравнению с видеофильмами.

Это было знакомо. Телевизор, а потом Интернет начали вытеснять книги еще в те времена, которые помнил Питер. И потом, большинству людей свойственно предпочитать развлечение всему другому. Недаром британское правительство финансировало показ вечерами по основным телеканалам просветительских фильмов и телепередач, дабы население, прежде всего молодое, не слишком теряло нравственные ориентиры. За Великобританию Питер не беспокоился, а вот Россия... Он глянул на Линду.

— А что с Россией?

— Такая территория существует.

— Что значит, территория? А государство такое есть?

— У нас теперь нет государств. Есть самоуправляемые территории.

— Великобритания тоже самоуправляемая территория?

— Да, конечно.

— И Франция?

— Разумеется.

— А Россия. Она не распалась? Там дела шли не очень хорошо перед тем, как я попал в аварию. Существовала опасность катастрофы.

— Так оно и произошло. Там был кризис, Россия распалась на несколько частей. Пришлось вводить международные силы для поддержания порядка. Но последние лет сорок там все нормально. Стабильность и процветание, как и в остальных частях Земного шара. Есть самоуправляемая территория Россия, есть самоуправляемая территория Сибирь, есть самоуправляемая территория Дальний Восток.

Все это было странно слышать — самоуправляемые территории, новые границы. Что осталось? Питер глянул на доктора Андерсон.

— Вы не скажете, на каком языке разговаривают жители этих территорий?

— Всемирный язык — английский, — спокойно пояснила доктор Андерсон. — Но на территориях используется в качестве второго местного язык. В России и в Сибири это

русский язык, а на Дальнем Востоке — китайский.

«Господи, там китайцы, — мелькнуло у Питера. — А что с этой громадной страной?» И тотчас прозвучал вопрос:

— Китай тоже самоуправляемая территория?

— Там, где было государство Китай сейчас несколько самоуправляемых территорий. Кажется, пять или шесть.

— Тайвань — одна из них?

— Да... Кстати, вы можете не беспокоиться насчет русского языка. Он весьма распространен в Западной Европе. В качестве третьего языка, а кое-где — и в качестве второго.

Питер с удивлением глянул на нее. Как это понимать?

— Вначале много русских приехало сюда из стран Балтии, где к ним относились не очень хорошо из-за оккупации этих стран Советским Союзом, а потом была большая волна эмиграции из России, когда там начались кризисные явления. Так что в Западной Европе давно живет много ваших соотечественников. Они стали ее неотъемлемой частью.

— Их нормально восприняли? — осторожно поинтересовался Питер.

— Вполне. На многих территориях русские помогли сохранить перевес христианского населения по отношению к мусульманскому, особенно в те времена, когда в значительной мере проявлялся мусульманский экстремизм.

— А сейчас он не проявляется?

— Да. Уже более тридцати лет мы не знаем этой проблемы.

Как сильно изменился мир. Сколько всего успело произойти. А Виктория? Чем занята она? Есть ли у нее семья? Дети? «А ведь ее дети — мои внуки. Им может быть уже за двадцать. Подумать только — у меня могут быть взрослые внуки...»

Его мечтательная улыбка вызвала вопрос:

— Вы что-то вспомнили?

— У меня могут быть взрослые внуки, — несколько смущенно проговорил он. — Понимаете, я не ощущаю, что прошло полвека. Мне

странно, что им может быть больше двадцати лет.

Он все-таки устал. Прикрыл на время глаза.

— Хотите отдохнуть?

— Да, немного.

— Я вас на время оставлю.

Плавными шагами она прошествовала к выходу. Питер заснул сразу после того, как закрылась дверь за доктором Андерсон.

Глава 2.

Его разбудили негромкие звуки. Доктор Кацав и доктор Ашруни готовили к работе прибор, тот самый, который уже применяли. Вновь была снята пижама. Облегающие накладки охватили ноги выше и ниже колена, то же самое произошло с руками. Он почувствовал приятное покалывание.

— Повышаю интенсивность, — сообщил доктор Кацав.

Питера опять мучила щекотка в мышцах. И опять он терпел. На этот раз процедура продолжалась дольше, чем прежде.

— Как вы себя чувствуете? — спросил доктор Кацав, едва накладки были сняты.

— Нормально, — с легкостью ответил Питер. — Когда я смогу ходить?

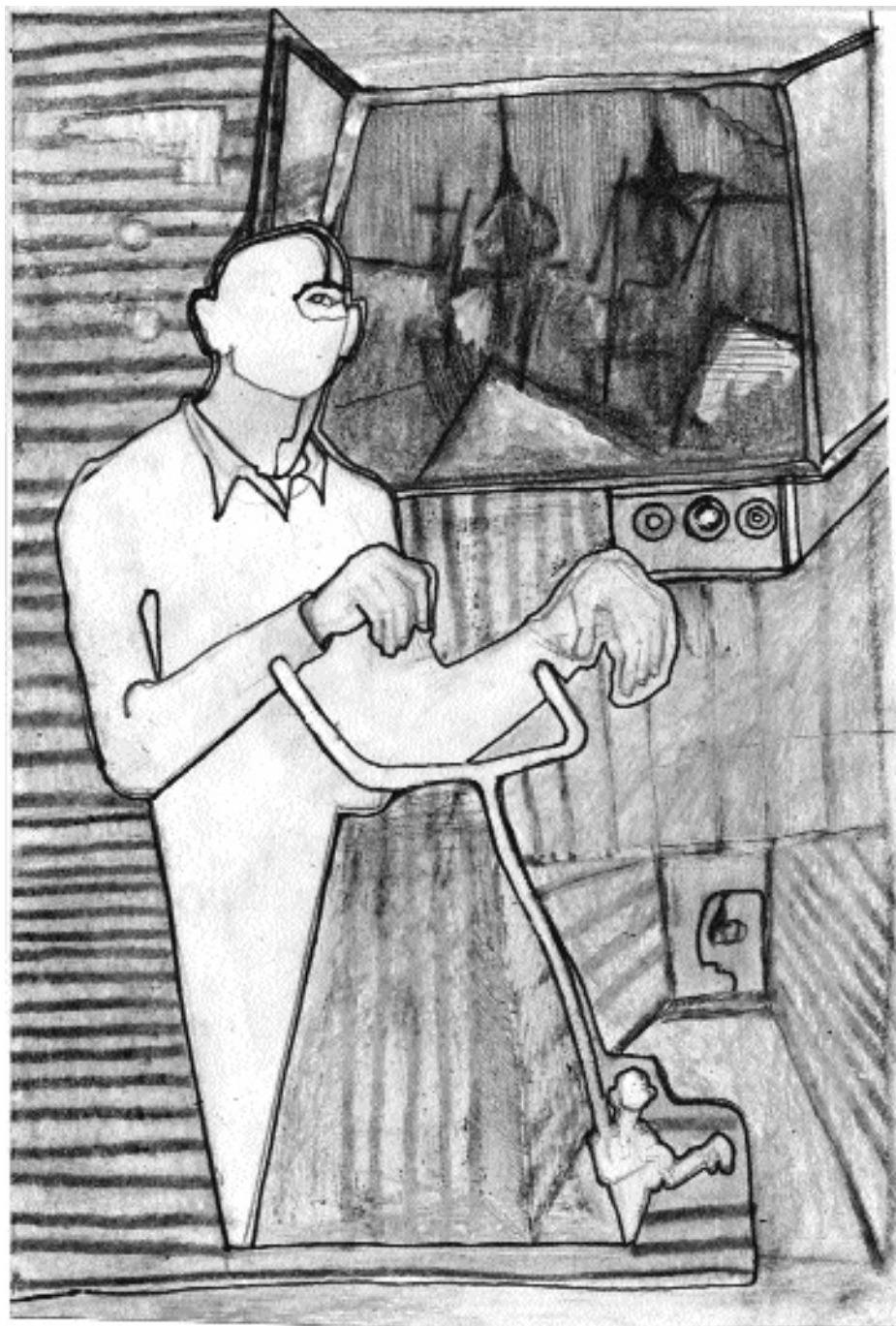
— Через два или три дня. Если все пойдет так, как мы рассчитываем.

Ему казалось, два-три дня — чересчур много. Как выдержать столько? Им владело нетерпеливое желание поскорее покинуть эту палату, вторгнуться в большой мир, тот, который он совсем не знал, но который хотел узнать.

— Может быть, мне самому потренироваться? — Он смотрел на доктора Кацава с надеждой.

— В этом нет необходимости. Процедуры достаточно эффективны. Отдыхайте. Доктор Андерсон скоро придет.

Он вовсе не нуждался в докторе Андерсон. Ему хотелось побыть одному, поразмышлять о важных для него вещах. Как это — перенестись во времени? Он перенесся. На пятьдесят лет вперед. Правда, не материально, а в

своим сознанием. Какая разница. Все эти годы как бы не существуют для него. Он теперь в ином времени. Иная жизнь там, за пределами этой палаты, этого здания. Иные люди. Самое удивительное было в том, что он мог коснуться этой жизни, выйти за пределы этого здания, узнать этих людей, то, как и чем они живут.

Дверь пропустила в палату высокую женщину, двигавшуюся плавно, с достоинством. Доктор Андерсон подошла к нему, приветливое выражение покрывало вытянутое лицо.

— Как вы себя чувствуете, господин Морефф?

— Хорошо... Линда, скажите, насколько нынешняя жизнь отличается от той, которая была пятьдесят лет назад? Я не про технику. Я про жизнь обычного человека. Чем он сейчас живет?

Снисходительно усмехнувшись, она села на стул.

— В этом вопросе я вижу ваше опасение перед тем миром, с которым вам предстоит познакомиться. Уверяю вас, люди не изменились за прошедшие полвека. Их волнует все то, что волновало раньше.

Питер смотрел на нее с некоторым сомнением.

— А что изменилось? К чему вы меня должны готовить?

— Изменился ритм жизни, объем информации, с которым сталкивается современный человек. Нагрузки сейчас более высокие, чем в ваше время.

— И как люди, справляются?

— Не всегда. Проблема — нервные срывы. И у молодых, и у тех, кто постарше. Для психотерапевтов много работы. — Ее лицо хранило спокойствие. — Как вы спали?

— Нормально.

— Что вам снилось?

— Не помню... Во всяком случае, ничего неприятного. Иначе бы я запомнил.

— Что-нибудь вас волнует?

— Да. Я хочу в туалет.

— Какие проблемы? Вызовем робота-медсестру.

Она повернулась к двери, которая тут же раскрылась, пропуская внутрь

искусственное создание, призванное помогать больным.

— Господину Мореффу нужна помощь, — по-русски произнесла Линда. — Ему необходимо справить нужду.

— Будет сделано, — деловито проговорил робот, развернулся, выехал из палаты и через несколько мгновений появился вновь с больничной уткой в механической руке. Приблизившись к Питеру, он протянул свободную руку, схватил краешек одеяла, намереваясь поднять его.

— Не надо! — Питер смущенно улыбался. — Я попробую сам сходить. Где туалет?

— Там. — Робот показал механической рукой на одну из небольших дверей, расположенных сбоку.

Питер не без труда сел на кровати, свесил ноги, поставил их на пол.

— Вам не стоит этого делать, — услышал он голос Линды.

— Я все-таки попробую.

Опираясь руками на край кровати, он поднялся. И чуть не упал — его повело вбок, если бы не робот, Питер не удержал бы равновесие.

Он сделал несколько шагов. Как странно было ощущать ненадежность собственных ног. Робот помогал ему, плавно передвигаясь рядом. Так, через силу, опираясь на механическую руку, он дошел до аккуратного прямоугольника двери, собрался отворить ее, но дверь двинулась сама, открывая проход.

Его удивило убранство туалета: унитаз, раковина, стены — всюду был серебристый металл, весьма приятный на ощупь, не охлаждающий пальцев при касании. Кран, который включает воду сам, едва опускаешь руки в умывальник, Питер видел еще тогда, пятьдесят лет назад. А вот регулировки отсутствовали. Но едва он пробормотал в недоумении: «Как же сделать погорячее?», вода стала теплее. «Больше струю,» — сказал Питер. И тотчас вода сильнее хлынула ему на руки. Кран понимал то, что ему говорят.

С не меньшим трудом Питер вернулся на кровать. Робот безмолвно

следовал рядом, помогая ему. Лишь когда Питер лег на кровать, он проговорил скороговоркой:

— Вы — настойчивый. Это хорошо.

Питер с удивлением покосился на робота — он умеет оценивать поведение людей? Надо же!

— Где их производят? — теперь он смотрел на Линду. — В Китае?

— Почему только в Китае? Основные промышленные зоны расположены также в Индии, Бразилии, России. Кстати, можете говорить с ним по-английски или по-французски. Как вам удобнее.

— Да, — робот в момент перешел на французский, — можете говорить со мной на том языке, на каком вам удобнее. Я полностью к вашим услугам.

Постоянное упоминание о языках насторожило Питера. Он вновь перевел глаза на Линду.

— Вы столько внимания уделяете языкам.

— Еще бы. Этот век — гуманитарный. Образованный человек должен знать не менее четырех языков и на всех общаться свободно. Мы сейчас уделяем серьезное внимание истории. Знаем все основные религии. Мы стали немного другими, чем полвека назад. Но это в области знаний... Вам пора ужинать. — Она глянула на робота. — Необходимо подать господину Мореффу ужин.

— Никаких проблем.

Развернувшись, робот укатил к двери, скрылся за ней и довольно скоро появился вновь. Опять в ход пошли плоскои.

Он еще не закончил есть, когда распахнувшаяся дверь выпустила мужчину, весьма полного, но стремительного. Взгляд у него был нахмуренный, пронзительный. Приблизившись, он произнес по-английски:

— Давайте знакомиться. Карло Фацио. Я — заместитель директора Всемирного бюро расследований.

Он протянул руку, пожатие было энергичным. Опустился на стул, который пододвинула Линда. Карие глаза смотрели на Питера задумчиво.

Энергичность движений никак не вязалась с наступившей паузой.

— Как вы себя чувствуете? — проговорил он наконец.

— Нормально. Ходить еще не могу. А так — нормально.

— Ну... ходить вам еще рано. Голова не болит?

— Нет.

— Прекрасно... То, что вы помните момент покушения... это хорошо. — Взгляд стал особо пристальным. — А дело, которым вы там занимались, не забыли? То, ради чего вы находились в Риге, помните?

— Да. — Питер спокойно улыбался. — Помню.

— Тогда я прошу вас рассказать все, что вы помните. Вплоть до деталей.

— Пожалуйста. Но разве не осталось никакой информации в архивах?

— В том-то и дело, что никакой информации в архивах нет. И скорее всего, она туда не поступила. Из Риги. Пока что не знаю, по какой причине. В этом тоже предстоит разобраться.

— Вас интересуют события пятидесятилетней давности? — в голосе Питера звучало сомнение.

— Да. — Фацио хмуро помолчал. — Я пока что не хотел бы вдаваться в подробности.

Питер был тактичным человеком. Не хочет, и Бог с ним. Он вернул плоскои роботу, уставился на серебристый потолок, решая, с чего начать.

— В две тысячи четвертом году была раскрыта международная преступная группа, штаб-квартира которой располагалась в Гамбурге. Торговля наркотиками, оружие, проституция, финансовые махинации. Полный набор. Они работали по всей Европе, распространяя героин, снабжая преступников стрелковым оружием, которое крали с заводов в Бельгии и Германии, поставляя русских девушек в испанские и португальские бордели, контролируя игорный бизнес в Германии, Голландии, Франции. Состав был интернациональный, но выходцы из России превалировали. Собственно говоря, по этой причине я и был включен в состав особого подраз-

деления, которое создали тогда на временной основе. Проработав полтора года, мы добились успеха. Удалось арестовать и руководителей, и основных функционеров, и мелких исполнителей. Более сотни человек в разных странах. Из руководителей — Владимира Сайнакова, Михаила Вайнберга, Бориса Тишукова, Иохима Брюнинга и Эриха Куртиуса.

— С этими фактами я знаком, — спокойно сообщил Фацио.

— Тогда вам известно, что уже через полгода преступная деятельность была во многом возобновлена. Стало ясно, что существовал еще один центр, хорошо законспирированный, незаметный, который держал все под контролем, и, когда потребовалось, тут же приступил к восстановлению структур. Нам удалось внедрить своего агента в группировку, занимавшуюся отмыванием наркоденог. Очень скоро мы увидели, что многие ниточки ведут в Ригу. Более того, возникло предположение, что из Риги координируют и работу российских преступных групп, вовлеченных в наркотрафик, в незаконное производство оружия, в поставку девушек в публичные дома. И стало ясно, что представителю нашего особого подразделения необходимо ехать в Ригу, чтобы на месте развернуть работу. Этим представителем был назначен я. Мой приезд состоялся в начале мая две тысячи пятого. Я поселился в гостинице неподалеку от помещений Национального центрального бюро Интерпола Латвии. Об истинной цели моего нахождения в Риге знало четыре человека, включая руководство бюро. Для всех остальных сотрудников я был инспектором, приехавшим из Лиона выискивать недостатки в работе. А в гостинице я представился бизнесменом из Англии. Этаким скучный предприниматель средней руки, с утра до позднего вечера занятый делами.

— Вы не замечали слежки? — быстро проговорил Фацио. — Кто-нибудь пытался познакомиться с вами?

— Разумеется, я обращал внимание на тех, кто окружал меня. Никто не пытался познакомиться со мной.

Слежки я тоже не замечал. Никаких оснований для беспокойства не было.

— Кто непосредственно работал с вами?

— Двое. Ивар Звиедрис и Линард Калныньш.

— Что можете сказать о них?

— Нормальные ребята. — Неожиданно вспомнив о прошедших пятидесяти годах, он усмехнулся, добавил.

— Были тогда нормальными ребятами. Знающими. Разве что несколько медлительными. Но это — национальная черта. Калныньш, пожалуй, опережал Звиедриса по аналитическим способностям, зато Звиедрис был дотошнее.

— А те двое, кто еще знал о вашей работе? Это начальник бюро и его заместитель?

— Совершенно верно. Юрис Ясинкевич и мой тезка Петер Биркавс.

— Простите, что я вас прервал. Продолжайте.

Несколько мгновений потребовалось, чтобы вернуть мысль в прежнее русло.

— Нам удалось выйти на явный след. Прежде всего в поле зрения попала фирма, занимавшаяся транспортными перевозками, под названием «Балтикс цельс», что в переводе с латышского означает «Балтийский путь». Хозяин, латыш по национальности, похоже, был подставным лицом. Фамилию точно не помню. Кажется, Мелнайс. Самая любопытная личность — его заместитель Андрей Володин. Человек с уголовным прошлым и уголовными повадками. Но он скорее поставлен присматривать за Мелнайсом. Частые звонки в Москву, партнерам из компании «Международные перевозки». Разговоры деловые, на тему поставок. Но странное дело: в ряде случаев машины из Москвы в указанные сроки не приходили. Объяснение одно — в этих случаях под видом перевозок общали другую информацию. Потом мы взялись за переписку по Интернету. Много подозрительного, хотя всей информации расшифровать мы не смогли. Кроме того, мы вышли на

банк «Финанс-Гарантия» и на охранную фирму «Стражник». Они работали в теснейшем контакте с фирмой «Балтийский путь». Разумеется, не только они. Однако, в данном случае их связывали помимо обычных партнерских и особые отношения. За всем стоял хозяин банка «Финанс-Гарантия» Леонид Коган. Фигура весьма импозантная, значимая в масштабах Латвии. Он прикормил некоторых высокопоставленных чиновников. Но я весьма скоро пришел к убеждению, что Коган несамостоятелен в той части своей деятельности, которую он тщательно скрывал. Нити шли в Москву. И, по-моему, на очень высокий уровень. Я написал доклад, итогом которого было предложение подключить к работе российское бюро Интерпола. Я понимал, что это вряд ли поможет, если преступники сидят высоко. В этой стране коррупция на высоком уровне для закона недоступна... — Он хмуро улыбнулся — опять забыл о пятидесяти годах. Поправился. — Была недоступна. Это ее и сгубило... В тот вечер, когда я закончил отчет и шел в гостиницу, в меня стреляли.

— Так вы успели отправить его? — тут же спросил Фацио.

— Нет. Я собирался сделать это утром.

— А те, с кем вы работали... Они знали про отчет?

— Конечно, знали. Я писал его в бюро, в кабинете. Обсуждал с ними положения доклада.

— С Ясинкевичем тоже обсуждали?

— Нет. С ним не обсуждал. И с Биркавсом — тоже.

Фацио молчал с хмурым лицом, карие глаза были устремлены куда-то вниз. Потом он глянул на Питера.

— То, что вы рассказали, очень важно. — Подозрение появилось в его взгляде. — Вы не устали?

— Хотел бы сказать «нет». Но если честно, устал.

— Сейчас я уйду. — Он замолчал с таким видом, словно пытался принять решение. Потом проговорил. — Вы не должны удивляться, что я пришел к

вам вечером. В дневное время каждый мой выход из кабинета привлекает внимание. А мне хочется, чтобы как можно меньше людей знало, что я побывал у вас.

После таких слов Питер невольно посмотрел на Линду. Фацио правильно понял его взгляд. Слабо усмехнулся.

— Доктора Андерсон можете не бояться. Она — один из лучших агентов, которые работают лично со мной. Пока она рядом с вами, я за вас спокоен. До свидания.

Стремительным шагом преодолев пространство до двери, он исчез. Питер глянул на Линду.

— Так вы, оказывается, не психотерапевт?

— Я — дипломированный психотерапевт. Закончила Сорбонну. А вам пора отдыхать. Что-нибудь хотите?

— Да, — с озорной улыбкой выговорил он. — Поскорее увидеть мир, который за этими стенами.

— Это не зависит от меня. — Линда смотрела на него спокойными глазами. — Робот останется рядом с вами. Если что, он поможет. Вы не против?

— Нет.

— Всего доброго. Утром я вернусь.

— До свидания.

Они остались вдвоем — Питер и робот, замерший у изголовья. Глядя в потемневший потолок, Морейфф размышлял о том, что с ним случилось. Этот прыжок во времени он понимал, он верил, что его не обманывают. И все-таки ощущение чего-то неестественного не покидало его. Он еще не свыкся с тем, что за окном две тысячи пятьдесят пятый год, вторая половина двадцать первого века. Другое время, другие люди. Другая жизнь.

«Господи, — думал он. — Я попал в мир, которого не знаю, в котором совсем чужой. Я — анахронизм. Что мне здесь делать? Смогу ли я стать своим? И, пожалуй, самый главный вопрос: хочу ли я жить в этом мире?.. Он так разительно отличается от того, который мне знаком. Дело не только в работах и всемирном правительстве. В нынешнем мире нет России. Столь

важной для меня страны. Какие-то самоуправляемые территории. На Дальнем Востоке — китайцы. Зато в Европе — русский язык. Непонятно, как относиться ко всему этому?.. Какое мне дело до России? Я родился и вырос в Англии. Но я — русский. Мои родители русские.»

Отец Питера Олег Морев стал невозвращенцем. Он был родом из старой театральной семьи, закончил балетную школу, танцевал в Большом в кордебалете. Ненавидел советскую власть, потому что знал от отца и деда многое из того, что не знало большинство советских людей — о том, как пришли к власти большевики, о том, что они творили в Гражданскую войну, о репрессиях, которые начались задолго до тридцать седьмого года. Он тихо ушел из гостиницы, когда они были на гастролях в Лондоне. Попросил политического убежища, но воздержался от каких-либо громких заявлений, к которым его склоняли. Он ненавидел ту власть, но любил Россию. Эту любовь ему удалось передать Питеру.

Его мать была младшей дочерью штабс-капитана Белой Армии Петра Зеленина, бежавшего, как и многие, из Крыма, успевшего пожить и в Дании, и во Франции, но потом осевшего в Англии на должности банковского служащего. Во Франции он встретил свою будущую жену, дочь князя Бутурлина. Князь к этому времени тоже был в стесненных обстоятельствах, поэтому с радостью отдал дочь за небогатого в прошлом дворянина. Дед, любивший своих детей, смог дать им хорошее образование.

В семье Питера говорили на русском. Мать уделяла много внимания тому, чтобы он читал русские книги, не только литературу, но и историю. Любые гастроли из Советского Союза были предметом их благожелательного внимания. Вот почему он прекрасно знал язык и говорил, в отличие от многих выходцев из России, без всякого акцента. Как, впрочем, и по-английски.

С дедом он виделся довольно часто. Когда Питер был подростком, они

гуляли в Гайд-парке, а позже, когда Питер вырос, ходили в паб выпить пива. Дед любил его. Московского деда Владимира Морева Питер так и не увидел — тот умер в конце девяностых, незадолго до того, как наступили новые времена, и в Россию стало можно ездить. Питер отправился в Россию вместе с отцом в девяносто втором. Их встретила бабушка, Анна Сергеевна. Она была совсем старенькой. Заплакала, впервые увидев Питера. Москва поразила его своей красотой и запущенностью. Питер гулял по старым улицам с таким чувством, словно бывал здесь прежде, словно вернулся в этот город после долгого отсутствия. Город, столь не похожий на Лондон, не казался ему чужим.

«Я — русский, хотя вырос в Англии, — размышлял он, по-прежнему глядя в серебристый потолок. — Тот язык, на котором мне легче думать, русский. — И тут странный вопрос явился к нему. — Что такое Россия? Где она? Это земля? Это язык? Это люди? Это история? Что именно? Евреи не убергли свое древнее государство, но в течение двух тысячелетий сохраняли свой народ, культуру. И наступил момент, когда Израиль возродился. А вот греки и болгары утратили свой облик, стали похожи на завоевавших их турков, но сохранили, помимо территории, веру и культуру. Зато албанцы и прежний облик утратили, и веру сменили, превратились в мусульман. Выходит, перестали быть албанцами? Нет Албании? Есть. Это другая Албания, чем могла бы быть. Но кто об этом сожалеет? А Британия? Бритов еще Бог знает когда вытеснили во Францию, Британию уже больше тысячи лет населяют англосаксы, которые гордо именуют себя британцами. Ну и что?.. А если сформулировать так: Россия — это страна, где говорят по-русски. Но это ничего не дает. Оказалось, что сейчас во многих странах Европы говорят по-русски. Значит, там Россия? Отчасти, да. Но лишь отчасти. Можно сформулировать условие жестче: Россия — страна, где говорят только по-русски. Но в России никогда не говорили

только по-русски. Там уйма народов со своими языками и традициями... Что такое Россия? Непростой вопрос. Во мне она жива. И еще во многих русских. Но этого мало. Должна быть территория. Пусть даже самоуправляющаяся. Территория...»

Питер не заметил, как заснул.

Через какое-то время его разбудил шум. Он открыл глаза. Робота рядом с ним не было. Питер повернул голову. Робот стоял подле выходной двери. И никого более.

— Что-нибудь надо? — раздался приглушенный голос робота.

— Нет, — выговорил Питер, опустил голову на подушку и тотчас уснул.

Глава 3.

Проснувшись, он увидел Линду. Она сидела рядом с кроватью.

— Доброе утро. — Ее лицо было привычно спокойным. — Как вы спали?

— Прекрасно. — Питер ухмыльнулся. — Мне надо в туалет.

— Идите. Вы уже освоили этот маршрут.

Робот немедленно подъехал к нему, помог подняться, пройти до туалета. Вернувшись в палату, Питер вспомнил о коротком пробуждении посреди ночи. — Линда, а что за шум был... даже не знаю, в каком часу?

— Маленькое происшествие, — ровным голосом отвечала она. — Неизвестный пытался проникнуть в палату. Но, увидев робота, ретировался.

Питер усмехнулся.

— Его напугала железка?

— Эта железка одета в кевлар, стрелять в нее бесполезно, а хватка у нее мертвая — схватит за руку, не вырвешься. К тому же, она делает видеозапись происходящего. Так что этот неизвестный поступил правильно.

Выходило, что робот — не только заботливая нянька, но и надежный охранник. Питер покосился на творение разума с довольным видом.

— А что показывает видеозапись?

— Человека, заглянувшего в вашу палату и тут же отпрянувшего, как только он увидел робота. Лицо полу-

чилось плохо — расстояние большое, и человек все время в движении. Ясно только, что это мужчина. Кроме того, если его проход в это здание не обратил на себя внимание, у него есть право на входение сюда. Так что либо он — сотрудник ВБР, либо работает в госпитале.

Питера это сообщение ничуть не насторожило.

— Какой-нибудь санитар проявил любопытство. Но, увидев робота, испугался.

Она медленно покачала головой из стороны в сторону.

— Уже провели анализ дверной ручки с целью определить ДНК человека, открывавшего дверь. Результат отрицательный. Скорее всего, он был в перчатках. Санитары в перчатках по зданию не ходят. И потом, сейчас эту работу, как и работу уборщиков, выполняют роботы.

Получалось, что все серьезнее, чем он подумал. Тем не менее, улыбка выскользнула на его лицо.

— Моей жизни угрожает опасность?

— Думаю, да. — Ее лицо хранило серьезность. — Но мы изначально учитывали данный фактор.

«Учитывали данный фактор? — выхватил слова его мозг. — Что это означает? Что мой возврат к жизни через пол века — некий проект? Я — подопытный кролик? Или приманка? Очень интересно...»

Питер думал о том, как полочнее сформулировать вопрос, но тут дверь открылась, в палату вошли Давид Кацав и Мохамед Ашруни. Приветливо поздоровались. Кацав приблизился к Питеру, а его ассистент начал разворачивать свой прибор.

Пижама была снята. Питер в некотором смущении покосился на Линду — та не стала даже отходить, отвернулась и смотрела в сторону.

— Как вы себя чувствуете? — поинтересовался Кацав.

— Неплохо. Я уже ходил. В туалет. Вчера. И сегодня.

— Да? — удивленно спросил доктор и повернул голову к Линде.

— Ходил, — подтвердила она.

— Вы у нас молодец. — Доктор опять смотрел на него. — Похвально, что вы можете заставить себя, но это не отменяет наших процедур.

Облегающие накладки вновь были надеты на его ноги выше и ниже колена, то же самое произошло с руками. Он почувствовал приятное покалывание.

— Все нормально? — поинтересовался доктор Кацав.

— Да, — ответил Питер.

— Повышаю интенсивность.

В очередной раз Питера мучила шекотка в мышцах. Он терпел, стиснув зубы. «Обычное испытание шекоткой,» — говорил он себе.

На этот раз процедура продолжалась еще дольше, чем прежде.

— Как вы себя чувствуете? — доброжелательно спросил доктор Кацав, едва накладки были сняты.

— В данный момент прекрасно.

— А до этого? — тень тревоги мелькнула в карих глазах доктора.

— До этого — не очень. — И добавил после паузы. — Слишком шекотно.

— А-а, — понимающе протянул доктор.

После ухода Кацава и Ашруни Питер завтракал. Робот вновь кормил его специальной пищей в плошках, чересчур пресной. Питер не собирался роптать — докторам виднее, что для него сейчас лучше.

Завтрак был закончен. Питер устроился поудобнее, посмотрел на Линду хитрым взором.

— Что за проект осуществляется, в котором участвуете вы. И я.

Она задумалась. Вытянутое лицо хранило спокойствие.

— Дело не в проекте, — наконец проговорила она. — Есть проблема, которую может помочь решить ваше возвращение. Вот и все.

— Но я не имею права знать об этой проблеме? — тут же спросил Питер.

— Все упирается в секретность.

— Судя по всему, я играю важную роль в решении этой проблемы. И при этом я не должен знать, в чем она состоит? Не говоря уже о моей безопасности.

— Мы позаботились о вашей безопасности.

— Сообщив на весь мир?

Вновь последовала молчаливая пауза.

— После ночного происшествия число барьеров охраны увеличено.

— Это успокаивает, — насмешливо произнес он. — И все-таки, может быть мне стоит знать правду?

— Я поговорю с мистером Фацио. Только он в состоянии решить данный вопрос.

Питер готов был подождать. Но его любопытство рвалось наружу.

— Зайдель, министр информации, говорил о правительстве.

— Да. О всемирном правительстве.

— Вот как? На Земле уже есть всемирное правительство. Любопытно. Значит, все вопросы решаются в масштабах планеты?

— Да.

— Это похвально. В конце концов, Земля не так уж и велика. Правда, в начале века столь несложная истина принималась немногими... Если есть всемирное правительство, должен быть и всемирный парламент.

Она медленно покачала головой из стороны в сторону — так она поступала частенько.

— Всемирного парламента нет.

— Почему?!

— Всемирный парламент не нужен. Благодаря новым технологиям парламент — все население Земного шара. Это уже не представительная, а прямая демократия. В любой момент, если есть необходимость, граждане планеты высказываются в пользу того или иного решения. Причем, все в высшей степени демократично. Перед голосованием выступают защитники позиций: «за» и «против». Потом голосование определяет волю большинства. Так что парламент не нужен. Всемирное правительство призвано выполнять волю населения. Кроме того, есть референдумы по вопросам, решаемым в рамках самоуправляемых территорий, и референдумы на уровне округов, то есть counties. Соответственно, есть правительства самоуправ-

ляемых территорий и округов... — Она сдержанно улыбнулась. — Между прочим, в любой момент и вы можете стать защитником позиции. Вам следует быть готовым сказать что-либо существенное в пользу того или иного предложения.

Подобная перспектива его не пугала.

— Выступлю. Но прежде мне следует адаптироваться к новой жизни. Так что я продолжу мучить вас вопросами.

— Я к этому готова.

Питер усмехнулся.

— Меня очень волнуют самоуправляемые территории. Прежде всего те, которые возникли на территории России.

— Попробую решить эту проблему. — Она перевела взгляд на робота. — Включи нам экран, Интернет, карта Восточной Европы.

В тот же миг часть стены перед Питером засветилась, возникла красочная карта. Он увидел знакомые очертания границ. Центральная часть России сохранила северные и западные границы. На северо-западе она граничила с единой территорией, называемой Скандинавия, вобравшей в себя Финляндию, Швецию и Норвегию. Там, где прежде располагались Эстония, Латвия, Литва и Калининградская область, лежала теперь территория Балтия. Дальше располагалась Польша. Белоруссия входила теперь в состав России, граница которой на юге соприкасалась не только с Украиной, но и Северным Кавказом, вобравшим в себя Краснодарский край, Ставрополье и все национальные республики, входившие прежде в Россию. А вот на востоке граница нынешней России определялась некоторым образованием, названным Урал, и лишь за Уралом начиналась Сибирь.

«Собственно Россия, — размышлял Питер, — Северный Кавказ, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Прежняя страна распалась на пять частей. При этом Дальний Восток теперь под китайцами. Такая вот картина.»

— Вчера вы мне ничего не сказали про самоуправляемые территории Се-

верный Кавказ и Урал. Надеюсь, там по-прежнему основной язык — русский?

— Да. Местный язык там — русский. — Смущение проявилось на ее лице. — Я говорила вчера в общих чертах. Простите, я не знала, что подобные детали имеют для вас такое значение.

«Ничего себе, детали...» — подумал Питер, но вслух ничего не сказал. Он вновь смотрел на карту. Столица нынешней России — Москва. Столица Урала — Екатеринбург, Сибири — Красноярск, Северного Кавказа — Краснодар, Балтии — Рига.

— Надеюсь, война в Чечне закончилась? — спросил он.

— Да. Но лишь после того, как туда были введены международные силы.

— А какой местный язык в Балтии?

— Русский.

Питер посмотрел на Линду с одобрением.

— Вчера вы поскромничали, сказав, что немного знаете русский. Вы хорошо говорите на этом языке.

— Спасибо.

— Откуда вы знаете русский?

Она помолчала, опустив глаза, опять глянула на Питера.

— Мой муж был русский.

— Вы разошлись?

— Нет. Он погиб, — сухо выговорила она. — Шесть лет назад. Он тоже работал во Всемирном бюро расследований. Его звали Игорь.

Питер ощутил неловкость.

— Простите мне мое любопытство.

— Ничего...

Питер помолчал, глядя на карту. Чересчур много информации свалилось на него. Как все это воспринять?

— Линда, я могу побыть один? — спросил он.

— Да, конечно.

— Вы можете вернуться к вашим делам на час или два.

Она помолчала в своей манере, потом проговорила:

— Хорошо. Я вернусь через два часа. Если я вам понадобится раньше, скажите роботу, он свяжется со мной.

Оставив стул, она пошла к двери своим красивым шагом. Еще мгновение, и Питер остался наедине с роботом.

Вновь глядя на карту, он размышлял над тем, как относиться к тому, что он видел? Прежней страны, столь дорогой ему, больше нет. Но остались территории, на которых сохранился русский язык. Более того, русский язык продвинулся на запад. Разве это не важнее целостности территории? Потеряв целостность, Россия заняла большую площадь, чем прежде.

«Какую роль может играть целостность в условиях, когда действует всемирное правительство, когда жители Земли совместно решают все глобальные проблемы?» — подумал он. И тотчас у него возникло желание посмотреть, а что там в Америке?

— Прошу дать карту Северной Америки, — попросил Питер.

На стене появилась другая карта. Питер заскользил по ней взглядом... Самоуправляемая территория Аляска, Восточная и Западная Канада, Соединенные штаты Америки.

«Прекрасно! — сердито прокомментировал про себя Питер. — Россию разделили на пять частей, а Соединенные штаты практически не разделились. Подумаешь, самостоятельная Аляска. Вот что значит быть слабым. Россия была слабой. А все чиновники, тупые и алчные. Раскрали страну, истощили экономику. Население не выдержало нищеты, произвола, безысходности...»

Он регулярно читал сводки по России, которые готовились в штаб-квартире Интерпола в Лионе, изучал данный разных исследований. Ему хорошо была известна картина происходившего тогда, пятьдесят лет назад.

«Русские сами виноваты, — сумрачно думал он. — В России никогда не уважали закон. Ни при царе, ни при генеральных секретарях, ни после развала Советского Союза. В этом России всегда было далеко до Западной Европы. И я не знаю, как бы я жил в России...»

— У вас неприятности? — нежи-

данно прозвучал голос робота.

— Да, — сухо ответил Питер.

— Мне вызвать доктора Андерсон?

— В этом нет необходимости. То, что расстроило меня, произошло пятьдесят лет назад.

— Я вам сочувствую.

— Спасибо.

Робот подъехал ближе к нему.

— Вы не хотите пообедать? Уже время.

— Я согласен. Только сначала надо сходить в туалет.

Он сел на кровати, опустил ноги на пол, поднялся. Робот подставил ему руку. Направляясь к туалету, Питер с удовлетворением отметил, что ему гораздо проще идти, чем вчера. Если такая тенденция сохранится, через неделю он сможет бегать.

Покинув туалет, Питер не стал спешить с возвращением в кровать. Его заинтересовала соседняя дверь.

— Что здесь? — спросил он.

— Ванная, — невозмутимо ответил робот.

Питер сделал несколько шагов, открыл дверь. Перед ним было просторное помещение, вмещавшее большую ванную из серебристого металла, в углу стояла душевая кабина. Питер вошел внутрь, приблизился к раковине, выше которой располагалось зеркало. Ему не понравилось то, что он увидел — изможденное небритое лицо.

— Я хочу побриться, — проговорил он.

— Пожалуйста.

Робот нажал кнопку на стене, открылась дверца встроенной полки. Питер увидел все необходимое для бритья — бритвенный станок, пена, помазок. Сверху лежала электрическая бритва.

— Вас побрить? — спросил робот.

— Я сам.

С каким удовольствием он намылил себе щеки, взял в руку бритвенный станок. Чистая кожа оставалась там, где проходило лезвие. Он так увлекся, что не заметил, как ослабли ноги — они устали держать тело.

— Мне надо присесть, — сказал Питер.

Тотчас ему был подставлен стул,

Питер опустил на него, отдохнул. Потом заставил себя подняться, закончил бриться. Еще раз осмотрел собственное лицо. Бритым он выглядел лучше.

Вернувшись в кровать, он принял-ся обедать. Поглощая пюреобразную пищу из неизменных плошек, он подумал, что не отказался бы от куска жареного мяса. Он любил постную свинину. Впрочем, не отказался бы и от стейка из говядины. И запил бы кружечкой пива. Он любил Гиннес.

Отобедав, Питер продолжил знакомство с современной географией. По его просьбе на стене появилась карта Европы. На месте Англии и Ирландии располагалась одна самоуправляемая территория под названием «Британия и Ирландия». Остались Германия, Франция, Испания с Португалией, Италия. На месте Бельгии, Нидерландов и Люксембурга появилась территория Бенилюкс. Дания вошла в Скандинавию, а Чехия, Словакия, Австрия, Швейцария, Венгрия образовали Центральную Европу. Вновь появилась Югославия. Сохранилась Греция. В состав Румынии вошла Молдавия.

«То, что англичане примирились с ирландцами — прекрасно, — заключил Питер. — Должен признать, что современное устройство Западной Европы удовлетворяет меня. Остальное придется принимать таким, каково оно есть...»

— А что там за колония на Луне? — спросил он, покосившись на робота.

— Она образована двадцать восемь лет назад. Главное предназначение — научные исследования и добыча полезных ископаемых. Там живет сейчас около тридцати тысяч человек. Ученые, инженеры, горняки. — На экране возникло изображение лунной поверхности. На переднем плане поднималось сооружение из темного металла, во многом напоминавшее средневековый замок. — Это обсерватория, кроме того, в этом сооружении расположены основные шлюзы и гараж луноходов. Лаборатории, служебные и жилые помещения находятся под лунной поверхностью. Так устраняется метеоритная

опасность. — Слова робота проиллюстрировало изображение на стене: просторные помещения лабораторий, заполненные оборудованием и людьми в халатах; столовая с множеством столов, занятых людьми; тренажерный зал, гостиные и спальни в квартирах. — Кроме того, неподалеку от колонии находятся рудники. Рабочие ежедневно отправляются туда на пассажирских луноходах. Реголит доставляют грузовыми луноходами на склад. Регулярно грузовые ракеты направляются к Земле. — Питер имел возможность увидеть горняков, одетых в скафандры, луноходы, вздымающие колесами облака лунной пыли, работу в руднике, старт ракеты.

— А что такое реголит? — полюбопытствовал он.

— Так называют аморфный лунный грунт.

— И что за полезные ископаемые содержатся в нем?

— Прежде всего гелий-три, необходимый для термоядерной энергетики. За счет лунного гелия-три она и работает. А кроме того, руды, содержащие редкие металлы.

— На Землю возят оттуда руду?! — усомнился Питер.

— Возят.

— И это окупает себя?

— Полагаю, что окупает.

«В конце концов, какая разница? — подумал Питер. — Возят, и пусть...»

Входная дверь открылась. Робот совершил резкое движение, закрыв Питера от вошедшего, но тут же вернулся на прежнее место. Питер увидел Линду. Ее лицо отразило удивление.

— Вы побрились?

— Да, я побрился. Лично.

— Вам идет. В остальном все нормально?

— Нормально. Я узнал много интересного о нынешнем мире.

— Вы обедали?

Питер состроил мягкую ухмылку.

— Линда, я не маленький ребенок.

— Вы обедали? — упрямо повторила она.

— Простите, но какое это имеет значение?

— Мистер Моревф обедал, — раздался ровный голос робота.

Она села на стул около кровати, невозмутимо проговорила:

— Мне поручено отвечать за вас, и я буду отвечать за вас. — В ее голосе не чувствовалось вызова.

«Эта женщина умеет добиваться своего,» — не без одобрения отметил Питер.

Следовало сменить тему. Он сказал первое, что пришло на ум:

— Я бы хотел посмотреть телевизор.

— Пожалуйста, — проговорила она и, глянув на робота, кивнула.

— Какой канал? — осведомился робот.

— Любой. Их много?

— Несколько сотен.

— Какой-нибудь из самых популярных.

Экран ожил, по нему забегали крепкие мужчины, преследуя друг друга, вступая в рукопашный бой. Двух минут хватило, чтобы понять — это боевик, заурядный, с обычной стрельбой и драками. Изменился антураж — здания, машины, одежды, — все остальное было известно Питеру.

— Еще какой-нибудь канал, — попросил он. — Из популярных.

И там шел боевик. Отличие в антураже практически оставалось незамечным. Тот же результат дало знакомство с десятком других каналов.

— Это все продукция Голливуда? — поинтересовался Питер, глядя на Линду.

Она кивнула. Питер помолчал, осмысливая увиденное.

— Но это — примитивная продукция. Я не думал, что людей будущего потчуют таким дерьмом.

Сколь внимательными стали ее глаза.

— Вы не правы. Никто их не потчует дерьмом. Люди хотят развлекаться. Каждый из них вынужден зарабатывать хлеб свой в поте лица. И каждый имеет право отдохнуть в свободное время. Люди не хотят напрягаться. Им надо расслабиться. Вот и все.

Питер покачал головой — нет. Он не желал принять такое объяснение.

— Наша европейская цивилизация давно стала развлекательной, потому что помимо работы, которая представляет собой суровую необходимость, все остальное время тратилось на развлечения. Жизнь как сплошное развлечение — идеал и цель многих. — Он чувствовал — нужны еще какие-то доводы. — Между прочим, в Англии, по крайней мере, в мои времена по телевизору в так называемый прайм-тайм, в районе восьми-девяти вечера основные каналы показывали интересные просветительские фильмы по астрономии, географии, физике Земли, археологии. Хозяева каналов делали это вовсе не из благих намерений — предприниматели всегда остаются предпринимателями. Они делали это потому, что британское правительство оплачивало им показ просветительских фильмов именно в самое популярное время. И делалось это для того, чтобы не разжигать в подростках и молодежи низменные инстинкты бесконечными сценами убийств и мордобоя, которыми переполнены боевики. Чтобы у них хоть что-то было в головах. Очень разумное решение. За одно это я уважал наше тогдашнее правительство. Надеюсь, на территории Британии и Ирландии до сих пор действует этот подход?

— Сейчас такое невозможно. Правительство не должно решать за людей подобные вопросы. Это касается любого уровня власти: всемирного, территориального, местного. Люди сами решают то, что касается их жизни.

— А если они плохо решат? — насмешливо спросил Питер.

— Это будет их решение, — невозмутимо ответила она.

— История дает массу примеров тому, что народ может ошибаться. Вспомните хотя бы Германию тридцать третьего года. — Спohватившись, что она его не поняла, Питер добавил. — Я имею в виду прошлый век, приход к власти Гитлера. Или, скажем, Россию начала двадцать первого века, где народ выбрал Путина. Кроме того, народом можно манипулировать. Этому есть тоже немало примеров.

Линда нахмурилась.

— В наше время не принято пренебрежительно отзываться о воле на— рода.

— Я говорю о прошлом, — с иронией продолжал он. — О том, что было давно. Хотя это повод... — Открывшаяся дверь пропустила в палату Кацава и Ашруни. Питер поспешил закончить фразу, — подумать о настоящем.

Неизменный прибор был развернут, накладки — наложены на руки и ноги. Нестрашная пытка шекоткой началась. Питер перенес ее, не выказывая никаких эмоций.

— Было шекотно? — спросил Кацав, едва процедура кончилась.

— Было.

— И вы не жалуетесь?

— Нет. Я и раньше не жаловался. Я сообщал вам информацию.

Доктор помолчал, потом задумчиво произнес:

— Мы сегодня дали максимальную интенсивность.

— Прекрасно. А я удивлялся, почему сегодня тяжелее терпеть, чем вчера?

— Потихоньку вам надо начинать двигаться.

— Я уже начал. Несколько раз ходил в туалет, правда, с помощью робота. Сам побрился в ванной. Слушайте, а давайте я сейчас на ваших глазах без посторонней помощи схожу в туалет. Мне туда хочется.

— Как вам будет угодно.

Питер сел на кровати, опустил на пол ноги, с усилием поднялся, сделал шаг, покачнулся, пытаясь сохранить равновесие. Тотчас рядом оказался робот, протянул руку. Питер бросил ему: «Не надо.» Сделал еще шаг, еще. Он смог одолеть расстояние до туалета без посторонней помощи. Спустя минуту вернулся. Вид у него был торжествующий.

— Прекрасно, что вы стараетесь преодолеть себя, — похвалил его доктор Кацав. — Теперь отдохните. Нагрузка должна перемежаться с покоем. Все нормально. До завтра.

Он хотел повернуться, чтобы идти к выходу, но Питер опередил его.

— Подождите, доктор. Как вы можете говорить, что все нормально, если вы даже не знаете, как я себя чувствую. Вы не проверяли у меня состояние внутренних органов, не мерили давление, пульс, температуру.

Кацав сдержанно улыбнулся.

— Напрасно вы так думаете. Мы следим за всеми параметрами. Они, к счастью, в норме. Центральный компьютер снимает ваши показания ежеминутно — и когда вы спите, и когда бодрствуете. Чип, который вы получили, помимо прочего дает медицинские данные: температуру тела, частоту пульса, кровяное давление и еще множество параметров.

— Простите, доктор, я этого не знал.

— Теперь будете знать. До свидания, — вполне дружелюбно произнес Кацав, повернулся и направился к двери. Ашруни последовал за ним.

Проследив за уходом докторов, Питер посмотрел на Линду.

— Продолжим наш разговор. Как же быть тем, кто предпочитает интеллектуальное кино? Я, к примеру, люблю фильмы Питера Гринуэя. Вы знаете такого режиссера?

Вопрос ее ничуть не смутил.

— Я не знаю такого режиссера. Однако, думаю, что проблем у вас не будет. Архивное кино можно получить по Интернету и посмотреть самому. Кроме того, есть несколько телеканалов для интеллектуалов. Но все это стоит недешево.

— Почему?

— Немногие сейчас обращаются к такому кино или телеканалам. Чтобы окупить расходы, владельцы вынуждены поднимать цену. В то же время популярные телеканалы бесплатны, поскольку возмещают свои расходы за счет рекламы.

— Разве это подталкивает людей к так называемой массовой культуре?

— По-моему, главное в том, что существует возможность выбора. Но каждый делает его сам. — Нечто осторожное, тактичное появилось на ее лице. — У меня такое ощущение, что сегодня вам непременно хочется поспорить со мной.

Ее слова озадачили Питера. Он всего лишь отстаивал свою точку зрения, однако на самом деле можно было подумать, будто ему хочется поспорить с Линдой. Этакое глупое мальчишество. За кого она его принимает? Он уже давно излечился от подобной чепухи.

И о чем с ней разговаривать? Линда опередила его.

— Может быть, вы ощущаете страх перед тем миром, который за этими стенами и в котором вам предстоит жить?

— Я не ощущаю страха перед нынешним миром, — немедленно ответил он. — Я — взрослый мужчина, давно сформировавшийся. Я многого добился. Мне бояться нечего.

— Прекрасно, — констатировала она. — По-моему, вам пора ужинать.

Питер хотел сказать: «Если вы считаете, что пора, я уже голоден», однако вовремя сдержался. Опять она воспримет его слова как вызов. В итоге он построил нечто неопределенное на лице.

Удалившийся на время робот привез неизменные плошки. Получив одну из них и ложку в придачу, Питер лукавым взором глянул на механическое существо.

— А для доктора Андерсон у вас не найдется еды?

— Не надо, — запротестовала она. — Я дома поужинаю.

— Вы туда попадете так нескоро.

— В больнице есть столовая. Схожу туда.

— Мне было бы приятно, если бы вы отужинали со мной. — Он вновь посмотрел на робота. — Найдется что-нибудь для доктора Андерсон?

— Думаю, я смогу кое-что предложить доктору Андерсон, — уверенно произнес робот.

— Не надо.

— Я привезу, а вы решите, как быть, — рассудительно заметил робот.

Он уехал и через минуту вернулся. На подносе были тарелка с нарезанным сыром, хлеб, чашка кофе. Обреченно вздохнув, Линда сделала себе бутерброд, принялась есть, запивая кофе. Питер старался не смотреть на

нее. Он с деланной сосредоточенностью поглощал принесенную ему пищу, пил апельсиновый сок, а потом — чай.

И тут ему пришла идея — надо поговорить о погоде. Нейтральная тема.

— Скажите, какая сейчас температура на улице? — спросил он.

— Градусов двадцать пять.

— Дождя, кажется, не было.

— Дождя не было.

— Хорошая погода.

— Для июня — нормальная.

Разговор получался. Следовало развить тему.

— Знаете, в начале века в Европе несколько раз такая жара стояла, что от перегрева и духоты умирали тысячи людей. Прежде всего, пожилые люди. Здесь, во Франции, в Испании, Португалии. Даже в Германии. Сначала жара, а потом ливни, которые все затопляли.

— Сейчас такого нет, — с привычным спокойствием проговорила Линда.

— Уже научились управлять климатом?

— Да. Экстремальных ситуаций не допускают.

— Прекрасно. Я рад за Европу. Сейчас время отпусков. Люди по-прежнему стремятся отдохнуть на море?

— Да, конечно.

— Раньше англичане любили отдыхать в Испании, на атлантическом и на средиземноморском побережье. Я бывал там несколько раз. Прекрасно. Вы отдыхали в Испании?

— Отдыхала. Там по-прежнему хорошо. Но сейчас на Земле появилось очень много мест, где можно качественно и недорого отдохнуть. В самых разных частях...

Дверь распахнулась. В своей стремительной манере появился Фацио. Белый халат, выброшенный поверх костюма, развевался.

С легкостью одолев расстояние до кровати, он остановился.

— Вы хотели со мной поговорить?

— Да. Вы садитесь. — Питер дождался, когда Фацио займет свободный стул, после этого продолжил. — На-

сколько я догадываюсь, вы осуществляете некий проект, в котором мне отведена роль подсадной утки. Но если я — подсадная утка, мне хотелось бы знать об этом. Все-таки, я не тюфяк, набитый ватой, а человек, умеющий думать и анализировать. Я могу быть вам полезен не только как статист. И потом... — Питер сумрачно усмехнулся. — И потом, если мне угрожает опасность, я хотел бы знать, кто ее олицетворяет. Кого мне следует остерегаться.

Фацио выразительно помолчал, сжав свои полные губы. При этом он смотрел куда-то в сторону. Потом глянул на Питера.

— Вы правы. Вам следует знать, в чем дело. Тем более, что это касается людей, работавших с вами. Ивар Звиедрис исчез на следующий день после покушения на вас. Найти его не удалось. Никаких следов. Линард Калныньш остался. Тогда возникло предположение, что Звиедрис был причастен к покушению. Возможно, организовал его. Или, по крайней мере, участвовал в подготовке. Прошло пятьдесят лет. Линард Калныньш дослужился до высоких постов. Сейчас он — один из кандидатов на должность заместителя директора ВБР. Но я не могу пока что исключить такого варианта, что Ивар Звиедрис ни в чем не виноват, что его убили с целью запутать следствие, пустить по ложному пути, а тело очень хорошо спрятали. Но в этом случае человек, причастный к покушению на вас, а значит связанный с преступными кругами — Линард Калныньш. Я не могу допустить, чтобы такой человек занял должность заместителя директора. Ему вообще место в тюрьме. Так что задача — установить истину: причастен Калныньш к покушению на вас или нет?

Питер был озадачен.

— Ваша идея, мистер Фацио, изящна, — тихо проговорил он. — Если Калныньш тогда пытался убить меня, попытается опять. Я одного не пойму. Калныньшу сейчас под восемьдесят. О каком назначении на

должность заместителя может идти речь?

— Ему сейчас семьдесят пять. На пенсию выходят в восемьдесят.

Вот как? Значит он, Питер, уже пенсионного возраста. Если учитывать эти пятьдесят лет. Но ведь он их не прожил. Они прошли мимо... А что Калныньш? Кто-то за ним стоит?

— Его кто-то продвигает? — спросил он.

— Да, продвигает. Сам директор ВБР Джон Берджес.

— Он — американец?

— Американец. Согласно традиции директор ВБР назначается Всемирным правительством по представлению самоуправляющейся территории США.

— И тут засилье США? — вырвалось у Питера.

— Мы не осуждаем сложившиеся традиции, — сухо произнесла Линда.

Неловкая пауза повисла в палате. Прервал ее Фацио.

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо.

В подтверждение своих слов Питер сел на кровати, спустил ноги на пол, встал, прошелся перед кроватью взад-вперед. Получилось не так изящно, как ему хотелось бы, но он справился без посторонней помощи. Фацио внимательно следил за ним.

— Впечатляет, — задумчиво произнес он. — Восстанавливайтесь, приходите в норму. Привыкайте к нынешней жизни. Доктор Андерсон поможет вам в этом. Выйдете из больницы, я оформлю вас консультантом. Как обеспечить вашу безопасность, поговорим позже. До свидания.

Он поднялся, быстрым достиг двери, исчез за ней. Питер глянул на Линду.

— А что, у каждого заместителя директора есть свои сотрудники?

— Нет. Только у мистера Фацио. Он — заместитель по кадрам. И по совместительству — руководитель департамента кадров и входящей в него Службы внутренней безопасности.

— Так вы сотрудник этой Службы?

— Да.

Питер смотрел на ее лицо — оно выглядело усталым.

— Знаете что, езжайте домой. А я лягу спать. Езжайте.

Она поднялась, произнесла:

— До завтра. — И плавным шагом направилась к двери.

Проводив ее взглядом, Питер устроился поудобнее, устался в потолок. Он думал о людях, которые могли быть причастны к покушению на него. Ивар Звиедрис и Линард Калныньш. Кто из них? Питер вспоминал их лица, Звиедрис был худощавым, повыше Питера. Калныньш — плотнее, медлительнее. Кто из них? Питер не знал. Он не чувствовал недоверия к одному из них. Единственное, что он мог сказать, так это то, что Фацио прав: исчезновение Звиедриса на следующий день после покушения на Питера ничего не доказывает.

— Вам что-нибудь надо? — раздался голос робота.

— Я хочу увидеть Лондон, — сказал Питер.

И тотчас на стене появилось изображение: набережная Темзы, Вестминстер, площадь Пикадили, Оксфорд стрит с ее бесконечными магазинами. Он видел знакомые места в вечернее время. Светили уличные фонари, сияли витрины магазинов. По тротуарам шли неспешно люди, рядом ехали какие-то незнакомые машины.

— Это хроника? — спросил он.

— Прямая трансляция, — ответил робот.

Это было приятно — видеть родной город, находясь вдали от него.

— А Москву можете показать?

— Пожалуйста.

Питер увидел Кремль, Красную площадь, заполненную гуляющими, потом незнакомую широкую улицу. По тротуару шли неспешно люди, многими рядами ехали машины. Широкую улицу сменила узкая, втиснутая меж старых зданий. И здесь прогуливались люди.

— Спасибо, — сказал Питер. — Я буду спать.

Экран погас.

Глава 4.

— Доброе утро, — услышал Питер, как только раскрыл глаза. — Доктор Андерсон просила передать, что задерживается. Она придет позже.

Питер покосился на робота, стоявшего рядом.

— Она лично позвонила?

— Да.

Умывшись и приведя себя в порядок, Питер захотел вдруг посмотреть, что за вид открывается за окном. Он увидел просторный двор, ограниченный с четырех сторон зданием, сад, разбитый там, с дорожками, фонтаном, небольшим прудом, деревьями и кустарником. Гуляющих там было совсем немного, человек десять.

— Ваш завтрак, — прозвучал позади голос робота.

Питер вернулся на кровать, но не стал ложиться, а сел, оставив ноги на полу, взял в руки плошку.

— А нельзя ли получить кусок мяса? — Он смотрел насмешливыми глазами на робота. — Какой-нибудь ромштекс, натуральную котлету или стейк.

— Я даю вам то, что мне приказано давать, — бесстрастно произнес робот. — Поговорите с доктором Кацавом. Если я получу новые указания, я их тут же выполню.

Глупо было рассчитывать на большее. Зачем он вообще затеял этот разговор? Позавтракав, Питер вновь подошел к окну. Было в том садике, что лежал за окном, нечто привлекательное. Уголок природы, втиснутый меж зданий, накрытый стеклянной крышей от непогоды.

Там, у окна, и застали его Кацав и Ашруни. Сопровождаемый их взглядами, он дошел до кровати, лег. Привычная процедура не была ему в тягость. Он решил использовать время, обратился к доктору Кацаву.

— Скажите, доктор, когда я смогу перейти на обычную пищу? Так хочется съесть кусок мяса, запить его пивом. Или вином.

Доктор сдержанно улыбнулся.

— Вы — любитель поесть и выпить?

— Не сказал бы, что я помешан на еде, но иной раз могу с удовольствием посидеть в ресторане. Все зависит от компании. Но сейчас мне патологически хочется съесть свиную отбивную или сочный стейк.

— Понимаю, но я не советовал бы вам спешить с приемом твердой пищи. Ваш желудок так же отвык от твердой пищи, как и мышцы рук и ног — от движений. Немного потерпите.

— Сколько?

— Пару дней.

Такой срок вполне устраивал Питера.

Когда процедура закончилась и накладки были сняты, Кацав произнес:

— Восстановление двигательных функций мышц идет успешно. Переходим к активному периоду вашей реабилитации. Теперь вы должны больше стоять, чем лежать. Я попрошу опытного физиотерапевта заняться вами. До вечера.

Он пошел к выходу. Ашруни, приветливо кивнув, последовал за ним.

Оставшись в одиночестве, Питер прогулялся по палате, встал перед окном. Ему приятно было смотреть на тот придуманный кусок природы, который втиснули во внутренний двор.

Шум раскрывшейся двери заставил его обернуться. Он увидел, как робот заслонил от него вошедшего, а потом отъехал в сторону. Перед Питером стоял высокий крепыш, атлетического вида. Радостно улыбаясь, он протянул руку.

— Меня зовут Эндрю Мелиган. Я — физиотерапевт. — Он говорил по-английски. Питер ощутил крепкое пожатие. — Мне бы хотелось увидеть ваши показатели.

— Я их не знаю, — возразил Питер.

— В этом нет необходимости. — Мелиган посмотрел на робота. — Выведи показатели на экран.

Тотчас на стене появились какие-то графики, цифры. Питер смог разобратся лишь в давлении — сначала оно было низким, а к нынешнему дню полностью пришло в норму.

— Хорошо... Необходимо доставить сюда тренажеры, — вновь обратился к роботу Мелиган.

— Простите, но я не имею права надолго оставлять господина Мореффа, — сообщил робот. — Воспользуйтесь, пожалуйста, услугами другого робота.

— Я скоро вернусь. — Это уже прозвучало для Питера.

Мелиган повернулся, энергичным шагом направился к выходу. Минут через пять дверь распахнулась, один за другим въехали три робота, груженные оборудованием. Вскоре на свободном пространстве палаты появились тренажеры: беговая дорожка, велотренажер, атлетический центр.

— Вам лучше переодеться. — Мелиган положил на стул майку и спортивные трусы.

Отвернувшись от него, Питер сбросил пижаму, одел трусы, майку. Подвигал руками — удобно.

— Начнем с упражнений для мышц спины и рук. Нагрузку я поставлю небольшую. И не старайтесь менять ее без меня. Слышите? — Питер кивнул. Мелиган нажал какие-то символы на пульте атлетического центра. — Давайте попробуем. Садитесь.

Питер сел на мягкое сиденье, взялся за рычаги, сделал несколько движений. Тотчас на ожившем экране появились многочисленные данные. Питер продолжил занятия, глядя на то, как растет частота пульса. Минуты через три Мелиган произнес:

— Довольно. Давайте сменим упражнение. Потренируем бицепсы.

Потом Питер тренировал брюшной пресс, после этого крутил педали велотренажера, причем на экране убегала под мнимые колеса дорога, с одной стороны которой плескалось море, а с другой — поднимался горный склон, создавая ощущение реальной езды, усиливающееся от того, что когда дорога шла вверх, крутить колеса было тяжелее, чем когда дорога шла вниз. Вслед за тем Питер шел быстрым шагом по беговой дорожке, а экран пытался убедить его, будто он движется по лесной тропинке.

— Хорошо, — довольно проговорил Мелиган. — До вечера три раза повторите все упражнения. С перерывом в два часа. Тренажеры не позволят вам превысить нагрузку и длительность упражнения. А завтра, быть может, изменим и нагрузку, и длительность. Посмотрим. Всего хорошего. До завтра.

Оставшись один, Питер сначала хотел отдохнуть, полежать на кровати, но потом решил принять ванну. Кран выполнил указания. Вода набралась удивительно быстро. Скинув майку и трусы, он шагнул в округлое пространство, заполненное прозрачной жидкостью. Какое это было наслаждение — погрузиться в воду, не холодную, и не горячую. Оказаться в среде, такой приятной, дружелюбной для человека.

Питер блаженствовал, размышляя о событиях последних дней. Ощущение чего-то невозможного все еще не покидало его. Неужели все правда? Неужели он получил будущее в подарок? Именно в подарок. Он же не просил перемещать его на пятьдесят лет вперед. С другой стороны, разве он не заслужил этого? Он честно служил закону, боролся с международной преступностью... «Жаль, что Мария умерла. — думал он. — Но я надеюсь, что найдется Виктория. Мне так хочется увидеть ее... Кто же причастен к покушению на меня? Линард Калныньш или Ивар Звиедрис? А может быть, ни один из них? Может быть...»

Дверь ванной раскрылась, на пороге стоял робот.

— Доктор Андерсон приехала, — сообщил он.

— Я скоро выйду, — не без сожаления проговорил Питер.

Как только дверь закрылась, он покинул столь приятную водную среду, вытерся полотенцем, надел мягкий халат, висевший на крючке. Завязав пояс, вышел в палату.

Линда стояла около окна. Повернувшись, услышав его шаги.

— Здравствуйте. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. — Питер сдержанно улыбался. — Вот, — он указал на тре-

нажеры, — я приступил к активному периоду восстановления. Разумеется, не сам, а по решению доктора Кацава. Мною теперь занимается физиотерапевт по фамилии Мелиган. Весьма бойкий человек. Надеюсь, у вас тоже все в порядке?

— Да, — как-то рассеянно произнесла она.

— Потребовалась какая-то срочная работа?

— Я ездила в Лион. Изучала документы, касающиеся Линарда Калныньша. — Тихая улыбка тронула ее лицо. — Словно человек прошлого копалась в бумажных документах: записках, рапортах, справках.

— Что-нибудь нашли?

— Нашла. — Она помолчала, будто решая, сказать Питеру или нет. — Директор ВБР Джон Берджес и Линард Калныньш — родственники. Они — двоюродные братья. Младшая сестра матери Калныньша, то есть его тетка Хелена Берджес, является матерью Джона Берджеса. И у той, и у другой фамилия до замужества была Розе. Их отец — профессор права, преподававший в Рижском университете, Карл Розе. В девяностых годах прошлого века Хелена поехала учиться в США в Калифорнийский университет в Беркли, который находится подле Сан-Франциско. Там она закончила юридический факультет. И осталась в США, потому что встретила там Уильяма Берджеса, учившегося в том же университете, за которого и вышла замуж. Калныньш приезжал в США, когда Джон Берджес был еще подростком. Похоже, именно Калныньш заинтересовал своего двоюродного брата работой в полиции.

«Любопытно, — думал Питер. — Весьма любопытно. Только, что это меняет?» Последняя мысль выскользнула наружу:

— Что это меняет?

— Пока что не знаю... — Линда глянула на него хмурыми глазами. — Не хорошо предлагать своего родственника на должность заместителя директора. Но это не преступление.

— Особенно, если Калныньш — порядочный человек и хороший про-

фессионал. Как в этом убедиться? — Питер покосился на робота. — Линда... Нет опасности утечки информации через нашего... помощника? Он, как я понимаю, записывает все разговоры. Эти записи не могут попасть к тем, кому никак нельзя их получить?

Линда не успела ответить, потому что ее опередил робот.

— Простите, что я вмешиваюсь, но вы напрасно беспокоитесь. Я настроен так, что могу дать подобную информацию только господину Фацио и доктору Андерсон.

«Надо же, понял, что я имею в виду. — Питер был удивлен. — До чего дошел прогресс... А почему пресса ничего не раскопала?»

— Скажите, почему это не раскопали досужие журналисты? — спросил он.

— Деятельность сотрудников ВБР не находится на виду. По вполне понятным причинам. Это относится и к руководителям разного уровня. Уверяю вас, про Калныньша общественность ничего не слышала. Имя Джона Берджеса ей известно, но не более того. Все контакты с прессой осуществляет его заместитель по связям с общественностью.

Питер усмехнулся.

— Американцы подсунули закрытую систему.

— Вы не любите американцев?

— Совсем нет. Я к ним отношусь хорошо. Но продукция Голливуда меня никогда не устраивала. Как и быстрая еда. И внешняя политика США, нацеленная на создание однополярного мира. Впрочем, сейчас это не имеет значения. Мир стал совсем другим. Но где справедливость? Россию разделили на пять частей, Китай — тоже разделили. А США — практически нет. Это справедливо?

Спокойствие не покинуло ее.

— На территории России и Китая в начале двадцать первого века не было стабильности. А на территории США она сохранялась. Причем США помогали восстанавливать стабильность и в России, и в Китае. — Она походила на терпеливую учительницу, объясняющую важные вещи нерадивому уче-

нику. — И потом США уже не та страна, которую знали вы. Белое население давно уже стало меньшинством. Сейчас выходцы из Латинской Америки составляют большинство, а на втором месте по численности — выходцы из Азии.

Это был сильный довод. Питер признал, что она его уела. США — латиноамериканская страна с большим процентом азиатского населения. Надо же! Кто бы мог подумать.

— Вам пора обедать, — напомнил робот. — И скоро настанет время делать упражнения на тренажере. Я бы рекомендовал вам начать с упражнений, а потом пообедать. Не затягивайте, приступайте прямо сейчас. Необходимая одежда в ванной.

Линда улыбалась.

— Разумно последовать этому совету. Я не буду вам мешать. Пойду обедать в здешнюю столовую.

Переодевшись в трусы и майку, Питер приступил к занятиям на тренажерах. Экран показывал ему оставшееся время данного упражнения, пульс, давление. Когда он увлекся, начал двигать ручками атлетического центра слишком резко, прозвучал сигнал и высветилась красная надпись: «Вы превысили допустимый уровень нагрузки».

Закончив занятия на тренажерах, он получил привычные площадки. Ситуация с пищей почему-то не менялась. Роптать он не стал — выходит, его желудок отстает от мышц. Врачам виднее.

Линда вернулась, когда он прогуливался по палате.

— Вы как заправский спортсмен, — добродушно проговорила она.

— Это комплимент или насмешка?

— Разве я похожу на человека, склонного к насмешкам?

Питер не почувствовал обиды в ее голосе. Он собрался сказать что-нибудь шутливое, но в этот момент дверь раскрылась. Вошел человек лет пятидесяти, статный, солидный. Он подошел к Питеру, широко улыбаясь.

— Здравствуйте, — по-русски проговорил он. Легкий акцент подсказывал — это не родной для вошедшего язык. — Я дождался, когда вы будете

чувствовать себя лучше. И пришел. Я так хотел вас увидеть.

Только теперь Питер узнал его. Линард Калныньш, постаревший, но совсем не старый.

— Здравствуйте. Рад видеть вас. — Питер протянул руку.

Калныньш схватил его руку с такой горячностью, тряс ее с такой энергией, что Питер не мог сомневаться в искренности его чувств.

— Как хорошо, что вы остались живы. Что вас подняли на ноги сейчас. Я выражаю вам сочувствие в связи с тем, что произошло тогда, пятьдесят лет назад. Не уберегли мы вас. Это наша вина. — Он глянул внимательным взором на Линду.

— Это доктор Андерсон, — поспешил объяснить Питер. — Психотерапевт. Помогает мне адаптироваться к нынешней действительности.

Линда сдержанно кивнула ему.

— Линард Калныньш, — представился он.

— Как ваша жизнь? — поинтересовался Питер.

— Грех жаловаться.

— Где вы работаете?

— Во Всемирном бюро расследований. Слышали про него?

— Да. Я спрашивал про Интерпол, и мне сказали, что теперь в масштабах планеты действует ВБР. А кем вы там работаете?

— Начальником департамента.

— Вы многого добились, — проговорил Питер.

— Старался, — как-то спокойно, без рисовки объяснил Калныньш.

Питеру был приятен этот человек. Он ощутил даже укол совести за свои подозрения в отношении Калныньша.

— Что же мы стоим? Давайте сядем.

Питер подошел к кровати, сел на нее, указал своему давнему коллеге на стул, стоящий рядом. Дождался, когда тот сядет, спросил:

— Как там Рига?

— Хорошо. Красивый город. Я там изредка бываю.

— А где вы живете?

— В Париже. Штаб-квартира ВБР здесь.

— Я никак не могу к этому привыкнуть. Слишком засел в памяти Лион.

— Это пройдет. — Калныньш беззаботно улыбнулся. — Чем собираетесь заняться, когда окончательно восстановитесь?

— Хотел бы работать по специальности. Но есть загвоздка. По календарю мне уже за восемьдесят. Пенсионный возраст. А в реальности я эти пятьдесят лет не прожил. Мне еще нет сорока. Если так считать мой возраст, я спокойно могу работать. В том же ВБР, к примеру.

— Да, это проблема. — Калныньш оживился. — Я бы не считал эти пятьдесят лет. Но как решит наш департамент кадров, не знаю. Случай необычный... — Он помолчал. — Если можно будет принять вас на работу, я готов предложить вам должность в моем департаменте. Сначала вы поучитесь на курсах повышения квалификации. Многие изменилось за эти полвека. Новое оборудование, новые методы. Когда вы с этим ознакомитесь, можно будет обсудить должность.

Питеру понравилось это предложение.

— А чем занимается ваш департамент? — спросил он.

— Противодействием антиконституционной деятельности. — Калныньш глянул на Линду, по-прежнему стоявшую рядом с тренажерами. — Через сколько, по-вашему, восстановится господин Морефф?

— Дней через десять, — уверенно ответила она. — Кроме физической и физиологической адаптации ему требуется и социальная адаптация.

— А как бы вы оценили возраст господина Мореффа?

— Его биологический возраст на данный момент — сорок два года.

Калныньш опять посмотрел на Питера.

— Видите, все прекрасно. Восстанавливайтесь, и тогда попробуем решить вопрос вашего трудоустройства. — Он поднялся.

— А как поживает господин Звиедрис? — Питер сделал все, чтобы чис-

тосердечное выражение присутствовало на его лице.

— Вы не знаете? — Калныньш по-мрачнел. — Звиедрис пропал сразу после покушения на вас. Его следов так и не удалось найти. Мы не знаем, что произошло... Мне пора. Быстрее восстанавливайтесь.

— Постараюсь.

Пожав руку, Калныньш кивнул Линде и направился к выходу. Как только закрылась дверь, тишина заполнила палату. Питер пытался осмыслить происшедшее. Что двигало тем человеком, который навестил его?

— По-моему, он был искренним, — проговорил наконец Питер.

— Возможно. — Она как всегда хранила спокойствие.

— Конечно, я могу ошибаться... И все-таки, я склонен поверить в его искренность. — На этот раз она промолчала. А Питер вспомнил о том, что его удивило. — Кстати, департамент противодействия антиконституционной деятельности, это что, политический сыск?

Сколь снисходительным стало ее лицо.

— Противодействие антиконституционной деятельности есть всего лишь противодействие антиконституционной деятельности. При чем тут политический сыск?

— Человек может иметь свое мнение? — спросил Питер.

— Разумеется, может. Но поступать он должен в соответствии с мнением большинства.

— Которое не застраховано от ошибки, — тут же выпалил Питер.

Она усмехнулась.

— Не знаю, как вы с такими настроениями будете работать в соответствующем департаменте.

— Я бы предпочел ловить обычных преступников. Мне это привычнее.

— Сначала надо полностью восстановиться, — заметила она.

— Делаю все, что от меня зависит...

— Питер поднялся, дошел до окна, постоял перед ним. — А есть полная сводка данных по неопознанным трупам, найденным на территории Латвии в последние пятьдесят лет?

— Наверно, есть. Я могу запросить. Надеетесь найти?

— Кто знает. Вдруг получится?

— Проблема только в одном — как запросить, не привлекая внимания? Надо хорошенько подумать.

Потом Питер опять занимался на тренажерах. Доктор Кацав и доктор Ашруни застали его на бегущей дорожке.

— Вам осталось еще две минуты. — Кацав увлеченно смотрел на экран, туда, где сбоку высвечивались показания датчиков. — Заканчивайте. Мы с доктором Ашруни подождем.

Энергичное движение по лесной тропинке продолжилось. Когда Питер вышел наконец к обрыву, и перед ним открылась прекрасная картина ущелья с речкой, текущей вниз, беговая дорожка сама собой встала.

— Пульс, давление — все в норме, — прокомментировал доктор Кацав. — Вы сейчас на уровне среднего не слишком тренированного человека. Считаю, что это неплохой результат. Давайте в последний раз проведем нашу процедуру. Прошу вас, коллега Ашруни.

Спортивная форма позволила надеть накладку, ничего не снимая.

— А почему в последний раз? — поинтересовался Питер.

— Больше в ней нет необходимости, — ответил Ашруни.

Привычная процедура была повторена. После этого Питер ужинал. В присутствии робота. Ему удалось уговорить Линду поехать домой пораньше.

На следующее утро вновь появился доктор Мэлиган.

— Я посмотрел вчерашние данные. Нагрузку можно увеличить. Опять начнем с упражнений для мышц спины и рук. — Мелиган последовательно нажал какие-то символы на пульте атлетического центра. — Садитесь.

Питер уверенно сел на мягкое сиденье, взялся за рычаги. Он делал упражнения, глядя на то, как растет частота пульса. Через несколько минут Мелиган произнес:

— Хорошо. Теперь тренируем бицепсы.

А потом Питер тренировал брюшной пресс, после этого крутил педали велотренажера, вслед за тем шел быстрым шагом по беговой дорожке.

— Хорошо, — довольно проговорил Мелиган. — Опять три раза повторите все упражнения. С перерывом в два часа. Завтра еще раз изменим нагрузку и длительность. Всего хорошего.

Оставшись один, Питер прилег на кровать. Он размышлял о событиях последних дней. Ощущение того, что происходящее с ним далеко от реальности, поубавилось. Он втянулся уже в некоторые нынешние дела, так и не узнав нынешней жизни. Но ему отчетливо казалось, что мир, находящийся за стенами больницы, не разочарует его. Он получил не худшее будущее в подарок. Одно тревожило — почему не дает о себе знать Виктория? Что с ней?

Вскоре появилась Линда. Лицо у нее было озабоченное.

— Это оказалось сложнее, чем я думала. Я не смогу получить информацию по неопознанным трупам так, чтобы не привлечь внимание. При любом варианте о попытке получения информации станет известно. Выход один — отправиться в Ригу, как только это станет возможным.

Питер готов был подождать. Сейчас его волновало другое.

— Скажите, Линда, если моя дочь увидела репортаж о моем... возврате к жизни, как она могла сообщить, что она — моя дочь и хочет увидеть меня?

Линда задумалась.

— Я бы на ее месте обратилась бы в местные органы власти. Или в прессу. Через прессу было бы даже быстрее. Это еще одна сенсация — у героя, которого вернули к жизни, нашлась дочь.

— А может, ей как раз не хотелось сенсаций?

Она лишь неопределенно пожалала плечами.

— Линда, у меня к вам просьба. — Лукавое выражение покрывало его лицо.

— Да, — с готовностью произнесла она.

— Не повторяйте про героя. Вы же не министр информации Зайдель.

— Хорошо... — Она улыбнулась, устало, одними губами.

В обед произошло нечто необычное. Питер получил кусок жареного мяса. Это была свинина, нежная и восхитительно вкусная. Питер блаженствовал.

— Никогда не был чревоугодником. Но испытываю истинное наслаждение. После всех этих пюре... Божественно. Не зря наши далекие предки любили мясо.

— Это искусственное мясо, — осторожно заметила Линда.

Питер опешил.

— Синтетическое?! Какой-то заменитель?

— Нет, оно настоящее. Но для его производства не надо выращивать животных, а потом убивать их. Сейчас выращивают непосредственно мясо.

Питер явно слышал об этом не впервые. Он напряг память.

— Знаете, про такие опыты говорили в начале века... Рад, что получилось. Лучше никого не убивать. И при этом вкусно кушать.

Линда понимающе кивнула в ответ.

Глава 5.

Четыре следующих дня прошли в тренировках. Теперь длительность каждой из них выросла до часа, общее число — до шести, а перерыв стал вдвое меньше прежнего. В девять утра Питер начинал тренироваться, а в восемь вечера заканчивал.

На исходе четвертого дня в палате собрался консилиум: доктор Кацав, доктор Ашруни, доктор Мелиган и еще три врача в белых халатах. Среди трех последних был один, сидевший с особо хмурым видом.

Доктор Кацав делал доклад. Множество графиков и таблиц иллюстрировало его выступление.

— Я считаю, что восстановление закончено. — Таков был итог доклада. — Господин Морефф может вернуться в нормальную жизнь.

Он внимательно следил за реакцией того, который сидел с хмурым лицом. Пауза катастрофически затягивалась. Питер видел, как нервничает Кацав. Ему стало жаль доктора.

— Оформляйте выписку, — лениво произнес наконец тот, чьей реакции ждали все, присутствующие в палате. — Я подпишу.

После столь важных слов он поднялся, пошел к двери, за ним потянулись те двое, которых Питер тоже не знал. И вдруг степенное шествие остановилось. Начальник повернулся, глянул на Питера.

— Поздравляю вас, мистер Морефф. — Он говорил по-английски. — Вы — первый в мире человек, кто вернулся к жизни через пятьдесят лет.

— Я получил будущее в подарок. — Питер усмехнулся.

— Будущее в подарок?.. — удивленно повторил он. — Пожалуй, так.

Он повернулся и продолжил свое шествие. Несколько секунд, и вся троика исчезла за дверью.

— Это здешний начальник? — спросил Питер.

— Нет. Это министр здравоохранения во всемирном правительстве Збигнев Шимановски.

Надо же! Министр. И вправду большая шишка. Но для Питера были важнее другие люди. Три доктора, сделавшие так много для его быстрого выздоровления, стояли перед ним. Питер бросился благодарить их.

— Спасибо вам, доктор Кацав, — торопливо говорил он, пожимая руку. — И вам спасибо, доктор Ашруни. И вам, доктор Мелиган. Большое спасибо. Я так вам благодарен. Спасибо.

— Для нас это была особая честь. — Доктор Ашруни определенно стеснялся. — Надо признать, случай уникальный. Мы рады, что все закончилось хорошо.

Тут Питер вспомнил, перевел взгляд на Кацава.

— Доктор Кацав, я все хотел спросить вас. В начале века в Израиле был президент Моше Кацав. Это не ваш родственник?

— Это мой дед... — Кацав улыбался с видом человека, осилившего

очень трудное дело. — Большого мы для вас не можем сделать, господин Морефф. Все остальное зависит от доктора Андерсон. И от вас самого. Всего вам хорошего. Успехов.

По очереди пожал ему руку, три доктора удалились. Питер с любопытством посмотрел на Линду.

— И что теперь?

— Завтра утром вам привезут одежду, в которой можно выйти на улицу. И мы покинем больницу. Поедем туда, где вы будете жить. Хотя подозреваю, что перед тем, как уехать отсюда, вам придется выступить на пресс-конференции. Господин Зайдель не упустит подобного повода собрать прессу. Впрочем, и вам ни к чему отказываться. Может быть, на этот раз ваша дочь узнает о вашем возвращении к жизни. Ложитесь спать пораньше. Завтра у вас будет сложный день.

Проводив Линду, Питер лег. Но ему не спалось. Одолевали размышления. Начинается новая пора в его жизни. Он вторгнется в будущее, не ограниченное больничными стенами и опекой врачей, станет полноправным жителем того мира, который сложился ко второй половине двадцать первого века. Мир, в котором так много изменилось. В котором нет прежней России. Но есть новая Россия наряду с Уралом и Сибирью. Мир, в котором русский язык живет на новых территориях.

«Что, все-таки, главное? Территория? Вера? Язык? По крайней мере, не территория. Албанцы, побывав под турецким нашествием, сохранили все, кроме веры. Но, по сути, это другой народ. А греки сменили облик, но сохранили язык и веру. Они остались православным народом. Они остались греками. Даже не знаю, что важнее, язык или вера? Наверно, и то, и другое.»

— Простите, вам трудно заснуть? — раздался вежливый голос робота. — Хотите, я дам вам снотворного?

— Спасибо, не надо, — проговорил Питер и закрыл глаза.

Но мысль его текла дальше: «Кто такой русский? Я думаю, тот, кто счи-

тает себя таковым. Это главное. И не надо никому ничего доказывать. Я — русский. Точно также определяют свою принадлежность к другим нациям и национальностям. Главное, кем чувствует себя человек. Кто бы ни были твои родители, ты тот, кем себя считаешь... Я — русский английского происхождения. По этой причине я всегда уважал закон и никогда не пресмыкался перед властью. То, чего так не хватало русским, жившим в России...»

Он и не заметил, как уснул.

Его разбудил негромкий звук. Питер открыл глаза и увидел еще одного робота, стоявшего рядом с кроватью. Он держал перед собой темный костюм, надетый на плечики. Питер ничего не понял, посмотрел по сторонам — никого, кроме двух роботов. За окном светло. Утро. И тут до него дошло — робот принес ему костюм. Обычная двойка. Разве что материал показался Питеру необычным — какой-то влажный на вид.

— Господин Моревф, — проговорил вновь прибывший робот, — я прошу вас примерить костюм.

— Оставьте. — Питер лениво потянулся. — Я потом надену.

— Если костюм будет плохо сидеть, я его подгоню.

Пришлось вставать, идти в туалет, а потом — в ванную. Умывшись, Питер вышел в палату. Ему была вручена белая рубашка, яркий галстук — Питер сам завязал его. Потом он одел брюки, пиджак. На экране он увидел собственное изображение. Неплохо. Словно для него сшито.

— Вам нравится? — поинтересовался робот.

— Нравится. А что за ткань?

— Пуленепробиваемая, травмобезопасная. И в ней не должно быть жарко. Если вы не имеете претензий, я удалюсь.

— Да, пожалуйста... Кстати, а почему вы привезли костюм? Нельзя было одеться попроще?

Робот остановился, повернул к нему голову.

— Я получил распоряжение одеть вас в костюм. Я могу удалиться?

— Да.

Робот уехал. Питер снял пиджак, повесил на спинку стула.

— Простите, но для этого больше подходит вешалка, — учтиво заметил робот, уже столько дней помогавший Питеру.

— Да? И где она?

— В шкафу.

Дверь в шкаф располагалась рядом с дверью в ванную. Питер и не предполагал, что за ней таится некоторое пространство. На длинной штанге висели пустые вешалки. Одну из них занял только что полученный пиджак.

Питер едва успел закончить завтрак, когда в палату легким шагом вошел министр информации Зайдель, а следом еще какие-то люди.

— Вы уже в брюках, — констатировал министр. — А где пиджак? Наденьте, пожалуйста.

Питер выполнил просьбу. Зайдель внимательно оглядел его.

— Так. Прекрасно. В костюме вы смотрите нормально. Да, я вас поздравляю. Вы полностью готовы к возвращению в нормальную жизнь. Сейчас мы проведем пресс-конференцию. Герой готов к возвращению в строй. Вы выступите. Ничего сложного. Вы уже выступали, тогда, в первый день. Тогда вы лежали, теперь будете стоять. Прогресс на лицо. Я думаю, вам лучше всего стоять на фоне тренажеров. Попробуйте встать здесь. — Он указал на место подле атлетического центра. — Неплохо. Наводит на мысль о необходимости занятия спортом.

Питеру это показалось глупым, но он не стал спорить с министром. Ему хотелось побыстрее освободиться.

— Не забывайте улыбаться, — напомнил министр и повернулся к стоящим рядом людям, проговорил по-английски. — Пригласите прессу.

Несколькими секундами позже двери открылись, в палату стремительно вторглось человек двадцать — мужчин и женщин, одетых весьма пестро. Это были телеведущие и операторы. Они остановились перед Питером, а министр оказался рядом.

— Господа! — Министр поднял руку, требуя тишины. — Рад еще раз

представить вам героя, пришедшего в себя после пятидесяти лет пребывания на грани смерти. Благодаря стараниям врачей он уже в состоянии нормально двигаться и вести нормальное существование. Господа, Питер Морефф, человек, рисквавший своей жизнью ради всеобщего блага, герой, победивший смерть. Вы можете задать господину Мореффу вопросы.

Первым задал вопрос элегантный высокий мужчина с мягким баритоном:

— Как вы себя чувствуете, господин Морефф?

— Прекрасно. Вы можете в этом убедиться. — Питер сделал несколько шагов и вернулся на прежнее место, демонстрируя легкость движений.

Красивая брюнетка с вытянутым холемым лицом обратилась к Питеру второй:

— Каковы ваши планы, господин Морефф?

— Я хотел бы работать. По специальности. Надеюсь, что вопрос с моим трудоустройством удастся решить.

Тут же выскочил вперед Зайдель.

— В этом не должно быть сомнений. Вопрос практически решен.

— Как вы оцениваете тот мир, в который попали? — задала еще один вопрос брюнетка.

— Он по-прежнему прекрасен. И при этом стал более комфортным и более безопасным. Мне нравится мир, в который я попал.

— Господин Морефф, есть ли у вас какие-нибудь проблемы? — спросила Питера худенькая женщина с мальчишеской стрижкой.

— Да. У меня есть дочь, Виктория. На момент похищения ей было восемь лет. Так что сейчас ей пятьдесят восемь. Сейчас у нее, наверно, другая фамилия. Почему-то до сих пор она не дала о себе знать.

Опять выскочил вперед Зайдель.

— Она найдется. Непременно найдется. И тогда мы покажем радость героя, покажем счастливую встречу отца и дочери через пятьдесят лет. Господа, спасибо за внимание. Пресс-

конференция закончена. — Он повернулся к Питеру. — Все было прекрасно. Вы не подкачали. — Он поймал руку Питера, начал ее трясти. — А ваша дочь непременно найдется. И все разделят вашу радость. Всего вам доброго.

Отпустив руку, Зайдель повернулся, направился к двери, увлекая за собой остатки толпы, собравшейся в палате. Еще десяток секунд, и закрывшаяся дверь оставила в палате двоих — Линду и Питера. Да еще робот привычно стоял сбоку.

— Вам идет костюм, — сообщила она.

— Я предпочел бы что-нибудь менее официальное. Надеюсь, я смогу получить такую одежду.

— Вы ее купите.

— А как это сейчас делается?

— Я вам помогу. — Она протянула ему халат. — Наденьте, чтобы не выделяться. — Питер выполнил просьбу. — Идемте. Нам пора.

И вдруг робот приблизился к нему.

— Позвольте мне сказать. Я очень рад, что вы покидаете нас. Это значит, что вы абсолютно здоровы. Но мне жаль, что я больше не смогу помогать вам. Надеюсь, я заслужил не слишком много нареканий?

— Вы были превосходны. До свидания.

— Всего вам доброго.

Впервые Питер покинул палату. Широкий коридор простирался перед ним. Серебристый металл покрывал стены, пол. Потолок светился ровным, неярым светом. Навстречу им попадались люди в халатах. Они сосредоточенно смотрели перед собой. Но одна женщина, глянув на Питера, задержала взгляд. Наверно, ей показалось знакомым его лицо. «Герой,» — подумал Питер и усмехнулся.

Лифт услужливо раскрыл двери.

— На выход, — произнесла Линда.

Двери сомкнулись, лифт начал опускаться.

— Куда мы держим путь? — поинтересовался Питер.

— Вам приобретена квартира за счет Всемирного правительства. Мы едем туда.

— Я не против.

Лифт открыл двери. Громадный холл простирался перед ними. Обойдя фонтан, располагавшийся в центре, они подошли к турникету. Охранники в темной форме молчаливо стояли по обе стороны. Питер замедлил шаг.

— Спокойно проходите через турникет, — прозвучал голос Линды. — Ваши данные введены.

Серебристая вертушка турникета повернулась, пропуская Питера. Линда последовала за ним.

Высокие здания, красивые, необычные, заполнявшие все окружающее пространство — это бросилось ему в глаза.

— Можете снять халат. — Линда сдержанно улыбалась.

Питер последовал ее совету. Подъехала машина, каплевидная, такая, какие потоком неслись по широкой улице в обе стороны, широкая дверь раскрылась. Питер увидел передние и задние сиденья. И никакого руля. Они заняли места спереди. Линда произнесла название улицы, номер дома. Дверь закрылась, автомобиль тронулся. Питер увлеченно смотрел в окно.

Город казался удивительным, невероятным — высокий, устремленный ввысь, легкий, удивляющий размерами зданий, но, вместе с тем, не давящий своим величием.

— Сейчас не бывает аварий, — проговорила Линда. — Машины ездят сами. Аварии в принципе не возможны. Компьютеры не нарушают правил дорожного движения, не гоняют по встречной полосе, не допускают столкновений и наездов на пешеходов.

— А как же вы поступаете, когда необходимо догнать преступника?

— Никаких проблем. Достаточно знать, кто преступник, и его местонахождение будет определено в доли секунды.

Надо же, до чего дошел прогресс.

— А если не известно, кто преступник?

— Достаточно иметь видеозапись преступления. Как только фотография преступника попадает в центральный компьютер, он выдает зада-

ние, и где бы ни появился преступник — в любом общественном месте, в частном помещении, в транспорте, — он будет идентифицирован, и его местонахождение тут же станет известно. Все остальное — дело техники. В прямом смысле этого слова. К примеру, если преступник в машине, она автоматически прекратит движение и блокирует двери.

Машина остановилась. Доступ в окружающий мир был открыт. Питер ступил на ровную поверхность тротуара, осмотрелся. Дом, тянувшийся к небу рядом с ним, понравился Питеру. Изящное сооружение, ничего не скажешь, легкое при таких размерах, затейливое.

Они приблизились к большой стеклянной двери. Находившийся по другую сторону робот задал вопрос на французском:

— Вы к кому?

— Владелец прибыл на заселение. — Линда вытащила из сумочки небольшую карточку, сунула ее в щель на металлической панели, расположенной справа от двери.

— Проходите.

Большая дверь медленно раскрылась. Питер и Линда продолжили движение.

Холл выглядел весьма представительно. По бокам был устроен зимний сад, в котором при желании можно было посидеть на скамейке. Небольшие фонтаны украшали его.

Они зашли в один из многих лифтов. Линда назвала этаж. Лифт выполнил приказание. Вскоре они оказались в приквартирном холле около одной из многих дверей.

— Кто вам нужен? — спросил по-французски приятный бархатистый мужской голос.

— Мы пришли зарегистрироваться. Рядом со мной Питер Морефф — новый хозяин этой квартиры.

— Я готов признать это. Но вы обязаны ввести код.

— Кто говорит? — не без удивления спросил Питер.

— Домашний секретарь, — пояснила Линда. — Он организует всю деятельность в рамках квартиры.

Питер быстрым взглядом осмотрелся по сторонам — никого, лишь пустое пространство холла.

— Это робот?

— Я — домашний секретарь, который умеет обращаться со всеми домашними устройствами, — тут же проговорил бархатистый голос. — Кроме того, я обеспечу вашу безопасность. Простите мне мою назойливость, но, пожалуйста, введите код.

Линда сунула небольшую карточку в щель, расположенную справа от двери. Тотчас над щелью возникло изображение клавиатуры. Аккуратные пальчики прошлись по цифрам, в ответ раздалось мягкое жужжание, сработали какие-то механизмы, дверь раскрылась. На пороге стоял робот, с руками и ногами, смешной, сделанный из белого пластика, но с большими черными глазами.

— Уважаемый Питер, я рад, что вы — хозяин этой квартиры. Я сделаю все необходимое, чтобы вы не имели здесь никаких проблем. Кстати, я готов сменить язык общения, если вы этого захотите. Я говорю на большинстве языков.

— А по-русски говорите?

— Говорю, — с легкостью перейдя на русский, продолжил робот. — С удовольствием буду говорить с вами по-русски. Прошу вас, проходите.

Он отступил в сторону, давая возможность Питеру и Линде войти в квартиру.

— Ознакомьтесь, пожалуйста. Из прихожей мы попадаем в гостиную. — Робот двигался сбоку и чуть позади. — Если вам не нравится обстановка или какие-то отдельные вещи, скажите мне. Я предприму необходимые меры.

Обстановка вполне устраивала Питера: несколько диванов, изящный шкаф с посудой, элегантные напольные светильники. Стены и мебель были кремового цвета. На одной из стен — громадный плоский экран, показывавший какой-то разговор в студии, но звук был отключен. Вдоль другой стены тянулась кремовая штора. Питер подошел, протянул руку, чтобы отодвинуть ее.

— Хотите отодвинуть штору? — спросил робот.

— Да.

Штора тут же уехала вверх, открывая широкое окно. Питер подошел ближе. Прямо за окном располагалась зеленая лужайка, а за ней поднимался густой лес. Такой вид за окном соответствовал коттеджу, но никак не многоэтажному дому. Питер с удивлением повернулся к роботу.

— Вам не нравится? — поинтересовался тот. — Может быть, хотите морской вид?

Тотчас за окном появился широкий вид: море, неохватное, темно-синее, полоска песчаного пляжа, уходящая вправо и влево. Самое удивительное, что это не была фотография. Белесые волны вежливо накатывались на влажный песок.

— Если хотите, можно перенестись в горы, — мягко проговорил робот. Сразу после этого за окном возникли заснеженные вершины, упиравшиеся в задумчивое синее небо. — А можно — в любой город Земли. — Теперь за окном располагалась улица, запруженная людьми и машинами. Кажется, это был Нью-Йорк. По крайней мере, вывески всюду торчали на английском языке. Потом картина сменилась — невысокие кирпичные здания, окружающие площадь, узкая улочка, уходящая вдаль. Питер узнал старую часть Копенгагена. И вновь перемена — что-то вроде Токио.

— Город не надо, — проговорил Питер. — Пусть будет берег моря.

— Пустынный?

— Да.

Морской пейзаж вновь появился за окном.

— А почему здесь нет обычного окна? — спросил Питер.

— Потому что мы под землей, — ответила Линда.

— Я думал, мы ехали на лифте вверх.

— Нет, мы ехали вниз... В правительстве решили, что так безопаснее для вас. Тут невозможно выкинуть человека из окна, нельзя проследить за ним с минивертолета... По-моему, они просто сэкономили.

— Квартиры наверху дороже?

— Да.

Питер помолчал, глядя на белые барашки, бегущие по поверхности моря. В сущности, какая разница, что за окном — телевизор, показывающий далекую реальность, или настоящая панорама?

— Там — ваш кабинет. — Робот показывал на правую дверь. — Хотите посмотреть?

— Да.

Они прошли в достаточно просторную комнату, в которой стоял красивый письменный стол, а за ним — большой экран на стене.

— Надеюсь, вам подойдет это кресло?

Питер сел, откинулся, вытянул ноги — удобно. Линда спокойно наблюдала за ним, стоя в дверях. Он поднялся, покинул кабинет. Робот продолжил знакомство с квартирой.

— Там — спальня. Здесь — гостевая комната. Вам нравится?

— Да. — Питер посмотрел на робота. — Как тебя звать?

— У меня нет имени. Вы можете дать мне его.

— Я подумаю... Иван. Тебя будут звать Иван.

— Иван это славянский вариант имени Иоанн, аналог имен Жан и Джон. Учитывая, что вы предпочитаете говорить по-русски, все логично. — Робот двинулся вперед. — Здесь — кухня. Это мое помещение. Полагаю, что вы не принадлежите к числу тех, кто любит сам готовить. Хотя я могу ошибаться.

— Нет-нет, — быстро проговорил Питер. — Я не люблю готовить.

— Там — ванная, туалет, тренажерная, кладовая.

Везде были экраны, показывавшие телевизионную картинку. Даже в туалете и ванной.

— Зачем такое обилие телевизоров? — поинтересовался Питер.

— Вы, как и все люди на Земле, обязаны смотреть телевизор, — объяснила Линда.

— Почему? — искренне удивился он.

— Вы обязаны смотреть телевизор,

чтобы в любой момент быть готовым исполнить гражданский долг. Тот, кто регулярно уклоняется от исполнения гражданского долга, недостоин быть членом общества. К таким могут быть применены особые меры.

— Что вы имеете в виду? — с тревогой спросил Питер.

— Такой человек может быть лишен права голоса. Это равносильно лишению гражданских прав.

Такой порядок не слишком понравился Питеру.

— Но это невозможно — все время слышать телевизор.

— Звук может быть выключен, как в вашей квартире. В случае проведения голосования звук будет автоматически включен.

Питер молчал. Что он мог сказать? Все, что он услышал, было странно. Вместе с тем, не стоило спешить высказывать свое мнение — он был новым человеком в этом мире.

— Хотите кофе? — прозвучал вдруг рядом голос робота.

— Хочу.

— Могу я звать вас Питер? Или мне обращаться к вам официально: господин Мореффе?

— Зовите меня Питер.

— А как мне обращаться к вашей гостье?

— Доктор Андерсон.

Робот повернул голову к Линде.

— Доктор Андерсон, а вы хотите кофе?

— Да.

— Я приготовлю. Простите, Питер, но вы не хотите снять пиджак?

Питер скинул пиджак, отдал роботу, который тотчас удулился.

— А как быть с одеждой? Я не могу все время ходить в одном костюме.

— Закажите то, что вам необходимо. Робот вам поможет сделать покупки. У вас есть деньги на счету.

— Откуда?! — удивился Питер.

— Всемирное правительство выделило вам деньги. Нельзя было оставить вас без средств.

Это новость радовала.

— Что за деньги сейчас в ходу?

— Доллары и центы.

Питер помолчал. В конце концов, какая разница, как называются деньги — фунты, евро или рубли?

— Что нужно для совершения покупки? Нужна пластиковая карта?

— Нет. Необходима ваша идентификация и наличие денег на счете.

— А магазины остались?

— Да. По-прежнему есть люди, которым нравится ходить по торговым залам, видеть товар не на мониторе, а воочию, брать его в руки.

Появился робот с двумя чашками кофе на маленьком подносе. Тончайший ароматный запах наполнил комнату. Питер взял чашку, осторожно попробовал горячий напиток — вкус тоже не разочаровал его.

— Что вам приготовить на обед? — поинтересовался робот.

Питер не на шутку задумался. Что ему хочется более всего?

— Я бы не отказался от телятины с грибами. Цветную капусту на гарнир.

— Я бы еще посоветовал греческий салат на закуску.

Питер кивнул в знак согласия. Робот повернул голову к Линде.

— Что приготовить для вас, доктор Андерсон?

— Я бы предпочла жареную рыбу.

— Хорошо. Вино пить будете?

— Да, — сказал Питер. — Мне — красного, сухого. Доктору Андерсон — белого, к рыбе.

— Я знаю.

— Лучше французского.

— Хорошо.

Он собрался идти, но Питер остановил его вопросом:

— Откуда ты возьмешь продукты?

— Я их заказал и частично уже получил.

— Но мы не слышали, чтобы кто-нибудь приходил.

— В кухне есть минилифт для доставки продуктов.

Сообщив это, робот удалился.

— Как же называется нынешнее общество? — с тихой улыбкой проговорил Питер, глядя на Линду. — Диктатура большинства?

— Я не думаю, что это верное определение, — сухо ответила она и вдруг оживилась. — Знаете, что?

Едемте в торговый центр. Он здесь поблизости. Вам столько всего надо, что лучше купить это в магазине.

Не дожидаясь ответа, она поднялась, пошла в сторону прихожей. Питер последовал за ней.

— Вы уходите? — раздался голос робота.

— Уходим, — бросила Линда.

— А как же обед?

— Мы вернемся через полтора часа. И пообедаем.

Вскоре Питер вновь оказался под открытым небом. Солнце светило весело, беззаботно, заполняя пространство между высокими зданиями лучистой энергией. В ней шныряли в разные стороны летательные аппараты незнакомой Питеру конструкции.

— Давайте прогуляемся, — предложила Линда. — Нам недалеко идти. Вы не против?

Питер не возражал. Ему нравилось быть на улице. Они пошли по тротуару, отделенному от проезжей части газоном, покрытым сочной травой. Он с любопытством оглядывал окружающие здания.

— Впечатляет. Где мы находимся?

— На юге. Район Монруж. Это улица Савье.

— А Монмартр, Эйфелева башня, Елисейские поля остались?

— Да, конечно. Мы можем туда съездить... Чувствовалось, что ее волнует совсем другое. — Питер, вы еще не успели разобраться во всех тонкостях нынешней жизни. Если вы чем-то недовольны, вовсе незачем заявлять об этом. Выражайте свое отношение голосованием.

Ее слова подивили Питера. Помолчав, он проговорил с подчеркнутой учтивостью:

— Спасибо за совет.

Минут через десять они попали в громадное пространство торгового мегацентра. Питер прямо—таки растерялся от разнообразия товаров, аккуратно разложенных на стеллажах. Немногочисленные покупатели перемешались с роботами, выкрашенными в желтый цвет, которые перевозили товары, следили за порядком на стеллажах.

Конечно, он увяз в этом пространстве, наполненном товарами. Путешествие получилось более долгим, чем рассчитывала Линда. Часа через два они, груженные пакетами, вернулись к Питеру домой.

— Вы задержались, — сообщил им робот, принимая пакеты. — Подавать на стол?

— Подавать, — решительно изрек Питер. — И немедленно.

Приборы были уже на столе. Две бутылки возвышались в центре. Питер и Линда сели друг против друга. И тотчас Иван поставил перед ними тарелки с салатом. Питер попробовал — вкусно. Тем временем Иван разлил вино по фужерам: белое — Линде, а красное — Питеру.

Темно-рубиновая жидкость понравилась Питеру.

— Неплохо, — с довольным видом выговорил он. — Как вам белое?

— Хорошее вино.

— Давайте выпьем за наше знакомство.

Она медленно покачала головой из стороны в сторону.

— Сначала мы выпьем за новоселье.

Питер весело засмеялся.

— Вы правы. Я совсем забыл про новоселье.

— Чтобы вам здесь жилось хорошо.

Бокалы соприкоснулись, издав мягкий приглушенный звук. Вино было выпито. Иван опять наполнил фужеры. Выждав небольшую паузу, Питер поднял свой фужер и проговорил:

— Теперь мы можем выпить за наше знакомство?

— Теперь можем.

После салата Иван подал горячее. Питер вновь не разочаровался. Достойным завершением обеда стала чашка зеленого чая. Линда отказалась от пирожного, а Питер насладился вкусом нежнейшего беже с малокалорийным кремом.

— Вам понравился обед? — обратился Иван к Питеру.

— Понравился.

— А вам, доктор Андерсон?

— Мне — тоже.

— Спасибо за высокую оценку.

Забрав чашки и тарелки, робот удался.

— Вы хотели посмотреть старый Париж. — Ее лицо казалось озорным. — Поехали. Готовы?

— Готов. — Питер охотно кивнул в знак согласия.

Линда поднялась, легким шагом направилась к выходу. Питер последовал за ней.

— Уходите? — раздался голос Ивана.

— Да, — сказал Питер.

— Ужин готовить?

Питер глянул на Линду.

— Нет, — выдохнула она.

Питер уже научился останавливать такси. Вскоре они с Линдой оказались около Эйфелевой башни. Питер смотрел на старую знакомую с доброй улыбкой. Сколько лет прошло с тех пор, когда он бывал здесь в последний раз. Они приезжали тогда в Париж всей семьей — он, Мария, Виктория.

Они с Линдой поднялись наверх. Питер жадно оглядывал окрестности, пытаясь увидеть то, что осталось от прошлого, и то, что связывало город с настоящим. Дворец Шайо-Трокадеро, Триумфальная арка, Музей армии, Лувр — эти сооружения связывали его с прошлым. А множество новых построек напоминали — время ушло далеко вперед, сейчас началась вторая половина двадцать первого века.

Линда не мешала ему. Она словно понимала, какие чувства наполняют его, тактично стояла чуть поодаль.

Он побывал там, где ему хотелось побывать — у Триумфальной арки, в Соборе Парижской Богоматери, на Монмартре. Ужинали он в уютном ресторанчике на Елисейских полях.

Стемнело, когда они вышли на улицу. Питер подумал, что пора отпустить свою спутницу.

— Большое спасибо вам за прекрасный день, — проговорил он. — Я смогу сам добраться домой. Вам надо отдохнуть. Давайте здесь расстанемся.

Она смотрела на него спокойным взором.

— Нам еще придется побыть вместе сегодня. Идемте.

— Куда?! — удивился он.

— Здесь недалеко.

Они пошли в сторону Сены и вскоре свернули на небольшую улочку. Едва они поравнялись с отелем, занимавшим старый пятиэтажный дом, Линда свернула ко входу.

«Зачем ей этот отель? — озадаченно подумал Питер. — А что, если она хочет заняться со мной сексом?..» Признаться, он не отказался бы от этого. Линда была красивой женщи-

ной с хорошей фигурой. В конце концов, они оба — одинокие люди. Почему бы им не завести роман.

Она не стала брать ключ у портье, и это показалось Питеру странным. Лифт поднял их на четвертый этаж. Подойдя к одной из дверей, она открыла ее. Оказавшись в номере, Питер увидел... Фацио, сидевшего за столом с рюмкой в руках. Бутылка коньяка стояла перед ним.

Окончание в следующем номере

.....

ОБ АВТОРЕ:

Игорь Александрович Харичев родился в 1947 году в г. Самаре. По образованию астрофизик. В советское время работал в НИИ, с октября 1991 по февраль 1997 года — в администрации Президента РФ, затем — в Конгрессе интеллигенции России. В настоящее время — ген. директор журнала «Знание-сила».

Рассказы, повести, включая фантастические, неоднократно публиковались в журналах «Сельская молодежь», «Литературная учеба», «Новое время», «Наука и жизнь», «Кольцо А», газетах «Литературная Россия», «Собеседник», «Учительская газета», «Российские вести», «Куранты».

Автор трех художественных книг (1994, 2000, 2006 г.г) и одной публицистической книги (1995 г.).

Автор более 170 публицистических и проблемных статей в центральных газетах России («Известия», «Независимая газета», «Труд», «Литературная газета» и другие), а также научно—популярных статей в журнале «Знание-сила».

Член Союза писателей Москвы, Союза журналистов России, Союза литераторов России.